

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет

**XXII СЛАВИСТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ
ПАМЯТИ ПРОФ. П. А. ДМИТРИЕВА
И ПРОФ. Г. И. САФРОНОВА
12 СЕНТЯБРЯ 2022 ГОДА**

Материалы научной конференции

Санкт-Петербург
Издательско-полиграфическая ассоциация
высших учебных заведений
2023

УДК 811.16

ББК 81.41

Х91

Рецензенты:

Л. Б. Карпенко, д-р филол. наук, проф. (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева)

О. В. Гусева, канд. филол. наук, доц. (СПбГУ)

XXII Славистические чтения памяти проф. П. А. Дмитриева и проф. Г. И. Сафронова 12 сентября 2022 г.: Материалы научной конференции / отв. редакторы М. Ю. Котова, О. В. Раина. — СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2023. — 84 с.

В сборник вошли статьи по материалам научных докладов по славянской филологии, прозвучавших на научной конференции «XXII Славистические чтения памяти проф. П. А. Дмитриева и проф. Г. И. Сафронова 12 сентября 2022 г.» на филологическом факультете СПбГУ.

Сборник статей адресован филологам-славистам и всем интересующимся славянскими языками и культурами.

*Рекомендовано Кафедрой славянской филологии
Филологического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета*

ISBN 978-5-91155-191-9

© Коллектив авторов, 2023
© Издательско-полиграфическая
ассоциация высших учебных
заведений, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Часть I. Материалы XXII Славистических чтений памяти проф. П.А. Дмитриева и проф. Г. И. Сафронова (2022).....	8
М. Ф. Мудрак. Диалог со славянскими странами как важный вектор международного сотрудничества.....	8
В. М. Мокиенко, С. И. Николаев. Пословицы Петровского времени в славянской ретроспективе	20
В. И. Супрун. Любимые буквы Петра I: об орфографических предпочтениях императора (к 350-летию со дня его рождения).....	34
А. В. Тоичкина. Философские источники «Писем с хутора» П. А. Кулиша	45
Часть II. Из материалов юбилейных XX Славистических чтений памяти проф. П. А. Дмитриева и проф. Г. И. Сафронова (2018).....	62
М.Ю. Котова, О. В. Раина. Кафедра славянской филологии СПбГУ за последние 20 лет (1998–2018 гг.).....	62
Сведения об авторах.....	79
About the contributing authors	80
Summary	81

ПРЕДИСЛОВИЕ

(приветственное слово исполняющей обязанности заведующей кафедры славянской филологии СПбГУ доцента Раина Ольги Викторовны)

«XXII Славистические чтения памяти профессора Петра Андреевича Дмитриева и профессора Германа Ивановича Сафронова» — это дань памяти профессорам-славистам, принимавшим активное участие в создании кафедры славянской филологии СПбГУ, ее программ и коллектива.

Эта международная научная конференция была учреждена в 1999 г. Кафедрой славянской филологии (зав. кафедрой проф. М. Ю. Котова) при поддержке руководства филологического факультета.

Деятельность профессоров П. А. Дмитриева и Г. И. Сафронова оставила заметный след в отечественной славистике и создала традицию исследований, продолжаемую до сих пор их учениками и последователями.

Профессор, доктор филологических наук П. А. Дмитриев (1928–1998), выдающийся ученый в области сравнительного славянского языкознания, возглавлял кафедру славянской филологии в 1964–1998 гг. Область его научных интересов — проблемы сербохорватского и сравнительного славянского синтаксиса, история славянской филологии и русско-югославянские литературные и научные связи. Благодаря его деятельности в качестве заместителя (1972–1979), а в дальнейшем председателя (1979–1985) секции славянских языков и литератур Научно-методического совета по высшему филологическому образованию при Министерстве высшего и среднего специального образования СССР в 70–80-е гг. славянские языки и литературы изучались в 60 университетах и 19 педагогических институтах страны. Проф. П. А. Дмитриев награжден многочисленными отечественными и зарубежными орденами и медалями. В 1994 г. проф. П. А. Дмитриев избран действительным членом Академии гуманитарных наук.

Профессор, сербохорватист Герман Иванович Сафронов (1924–1997) — соратник и друг юности Петра Андреевича Дмитриева. Они вместе учились в школе в Киселевске, затем в университете, про-

ходили стажировку в Югославии и всю жизнь посвятили университету, кафедре, процветанию славистики и воспитанию студентов. 75 научных трудов были написаны ими в соавторстве. Г. И. Сафронов был проректором по вечернему и заочному обучению, председателем месткома университета, членом Президиума обкома профсоюза, академиком Академии гуманитарных наук.

Все выпускники кафедры славянской филологии второй половины XX в. — ученики профессоров П. А. Дмитриева и Г. И. Сафронова.

Научная деятельность проф. П. А. Дмитриева и проф. Г. И. Сафронова посвящена историографическим исследованиям в области развития и формирования отечественной славистики, публикациям о деятельности кафедры славянской филологии, о жизни и творчестве выдающихся ученых-славистов, чья деятельность связана с Санкт-Петербургским государственным университетом, о научных и педагогических достижениях преподавателей кафедры.

Эмблемой Славистических чтений избраны уникальные буквы славянской азбуки большой и малый юсы. Они символизируют и уникальность жизненной и духовной связи наших профессоров, и универсальность порождаемых славистикой научных проблем.

С 1999 по 2009 г. в конференции приняло участие около 200 ученых из разных стран (Белоруссии — Белорусского государственного университета, Витебского государственного университета, Лингвистического университета (Минск); Болгарии — Великотырновского университета им. Кирилла и Мефодия, Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского, Софийского университета; Боснии и Герцеговины — Сараевского университета; Польши — Варминско-Мазурского университета (Ольштын), Варшавского университета, Института славистики Польской академии наук (Краков), Лодзинского университета, Поморской педагогической академии (Слупск), университета города Ополе, университета им. А. Мицкевича (Познань), Ягеллонского университета (Краков); Словакии — Прешовского университета, Славянской гимназии (Братислава); Словении — Люблянского университета, Мариборского университета; Украины — Одесского государственного университета, Прикарпатского государственного университета (Ивано-Франковск);

Хорватии — Загребского университета, Института хорватского языка (Загреб); Чехии — Западночешского университета, Национальной библиотеки Чешской Республики (Прага), Остравского университета, Силезского университета (Карвин), университета им. Т. Г. Масарика (Брно), университета города Градец Крало-ве, университета им. Ф. Палацкого (Оломоуц), университета им. Я. Е. Пуркине (Усти-над-Лабем), Южночешского университета (Ческе-Будеевице); Сербии и Черногории — Белградского университета, Института сербского языка САН, Косомитровского университета, университета города Нови Сад, университета города Приштина, Философского факультета (Ниш), Черногорского университета (Никшич); а также зарубежные коллеги из Венгрии, Латвии, Литвы, Казахстана, Дании, Испании, Италии, Швеции; 58 славистов из СПбГУ и 83 ученых из разных вузов и научных учреждений Российской Федерации (государственных университетов городов Белгорода, Брянска, Москвы, Великого Новгорода, Волгограда, Воронежа, Иркутска, Казани, Кемерово, Красноярска, Саранска, Нижнего Новгорода, Новокузнецка, Перми, Петрозаводска, Ростова-на-Дону, Самары, Саратова, Томска, Тюмени, Уфы, Челябинска, Ярославля; из МГИМО, из Института славяноведения и балканистики РАН, из Российской национальной библиотеки Санкт-Петербурга и др.).

Основные направления работы «Славистических чтений памяти проф. П. А. Дмитриева и проф. Г. И. Сафронова» сформулированы в названиях научных секций конференции прошлых лет: секции грамматики, прагматики, лексикологии, фразеологии, паремиологии, лексикографии, истории славянских языков, теории и критики перевода, истории славистики, вопросов преподавания славянских языков, истории славянских литератур, культурных и литературных взаимосвязей.

В этом году на конференции представлены следующие доклады:

- Маргарита Федоровна Мудрак, председатель Правления Санкт-Петербургской ассоциации международного сотрудничества: «Диалог со славянскими странами как важный вектор международного сотрудничества»;
- Василий Иванович Супрун, д.ф.н., профессор Волгоградского государственного социально-педагогического университета: «Лю-

бимые буквы Петра I: об орфографических предпочтениях императора (к 350-летию со дня его рождения)»;

- Валерий Михайлович Мокиенко, д.ф.н., профессор СПбГУ, Сергей Иванович Николаев, д.ф.н., академик РАН, ИРЛИ РАН: «Пословицы Петровского времени в славянской ретроспективе»;

- Александра Витальевна Тоичкина, к.ф.н., доцент СПбГУ: «Философские источники “Писем с хутора” Пантелеймон Александровича Кулиша».

Эта конференция, несмотря на разнородность прочитанных докладов, еще раз подтверждает, что славянская филология является одним из центров притяжения научных интересов многочисленных коллег и развивается благодаря трудам последователей и коллег профессоров П. А. Дмитриева и Г. И. Сафронова.

Мы надеемся, что «Славистические чтения» будут иметь продолжение в последующих собраниях, которые кафедра славянской филологии намеревается проводить регулярно.

Спасибо!

ЧАСТЬ I. МАТЕРИАЛЫ XXII СЛАВИСТИЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ ПАМЯТИ ПРОФ. П.А. ДМИТРИЕВА И ПРОФ. Г. И. САФРОНОВА (2022)

М. Ф. Мудрак

Диалог со славянскими странами как важный вектор международного сотрудничества¹

Аннотация. В докладе затронуты состояние и перспективы диалога со славянскими странами в рамках совместной деятельности входящих в Санкт-Петербургскую ассоциацию международного сотрудничества обществ дружбы, а также при участии Правления Ассоциации и Санкт-Петербургского государственного университета.

Ключевые слова: Санкт-Петербургская ассоциация международного сотрудничества; Союз друзей Болгарии; Общество русско-сербской дружбы; Общество российско-польской дружбы; Чешско-русское общество имени братьев Чапеков; кафедра славянской филологии СПбГУ.

Ситуация, сложившаяся в мире, меняет условия, в которых приходится работать организациям общественной дипломатии, она диктует необходимость более активного использования их ресурсов для формирования объективного представления о нашей стране, укрепления доверия к ней в мире.

Санкт-Петербургская ассоциация международного сотрудничества уделяет особое внимание повышению эффективности своей деятельности, созданию новых каналов обмена мнениями на разных уровнях. Мы стремимся к расширению сотрудничества, прежде всего, с дружественными нам странами; как всегда, координируем свою деятельность с Комитетом по внешним связям, Комитетом по образованию, Представительством МИД РФ в Санкт-Петербурге, с Российской ассоциацией международного

¹ Информация о деятельности обществ дружбы подготовлена при содействии руководителей обществ: Н. В. Сивенковой, Драганы Дракулич-Прийма, О. С. Давтяна, С. И. Андреева, Л. В. Шишко.

сотрудничества (РАМС), развиваем связи с Законодательным собранием, с регионами и городами России. Совместные проекты осуществляются примерно со 100 партнерскими организациями в Петербурге и в России, включая 45 петербургских школ и 14 вузов, а также с 50 зарубежными партнерскими организациями.

Еще раз хочу подчеркнуть, что, учитывая приоритетные направления внешней политики нашего государства, мы, прежде всего, активно развивали сотрудничество с дружественными нам странами (Китай, Сербия, Индия, Иран).

Участие в ряде международных организаций создает возможности для продолжения сотрудничества со странами, отношения с которыми по официальной линии сейчас сложные (США, Великобритания, Италия, страны Восточной Европы, страны Северной Европы, регион Балтийского моря). Это такие организации, как Лайонз Интернешнл, Сороптимист Интернешнл, Френдшип Форс, Союз англоговорящих, Форум общественных организаций стран региона Балтийского моря.

Сохраняя традиции, мы вместе с Российской ассоциацией международного сотрудничества проявляем инициативы по воссозданию общероссийской системы общественной дипломатии.

Хочу особо отметить, что в диалоге со славянскими странами всегда важное место занимала «мягкая сила» общественной дипломатии, и сейчас она имеет еще большее значение, чем прежде.

Ассоциация сохранила общества дружбы со славянскими странами — Союз друзей Болгарии, Общество русско-сербской дружбы, Общество российско-польской дружбы, Чешско-русское общество имени братьев Чапеков. Руководители и члены этих обществ — уважаемые и известные люди, преданные своей работе и заинтересованные в развитии связей со славянскими странами. Работа обществ дружбы способствует духовному сближению наших народов, поддерживает их интерес друг к другу. Благодаря их работе удается сохранить целостность системы сотрудничества со славянскими странами по линии общественной дипломатии, привлекать к сотрудничеству новые круги общественности, деятелей культуры, представителей академического сообщества. Сегодня особенно важно сохранение и расширение научных и культурных связей со странами славянского мира, а также круга друзей России в этих странах.

Ассоциация объединяет ресурсы общественной дипломатии с усилиями руководства города, учреждениями образования и культуры, объединениями представителей славянских народов в формировании положительного информационного поля для России и Петербурга в славянских странах и для развития двусторонних связей.

Вся работа проводится совместно с Кафедрой славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета и с Кафедрой истории славянских и балканских стран Института истории СПбГУ. Ежегодно сотрудники Кафедры славянской филологии рассказывают о своей деятельности молодым членам ассоциации и слушателям Школы молодого дипломата. Нашу работу со славянскими странами поддерживают: Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга, Представительство МИД РФ в Санкт-Петербурге, представители генеральных консульств славянских стран, Музей этнографии народов России, Славянский Фонд Библиотеки Российской академии наук, преподаватели и студенты вузов, школы города. К мероприятиям привлекаются петербургские студенты, которые выступают с докладами и презентациями, посвященными языкам, истории и культуре славянских стран.

Ассоциация международного сотрудничества и общества дружбы со славянскими странами ежегодно отмечают национальные праздники, историко-культурные события славянского мира, проводят торжественные мероприятия совместно с Правительством Санкт-Петербурга (Комитет по внешним связям), представителями консульского корпуса и общественностью города, выражая уважение к истории, демократическим завоеваниям, современным достижениям, культуре и духовным традициям славянских стран. Ежегодно отмечаются День славянской письменности и культуры, День освобождения Болгарии от Османского ига, День болгарских студентов и болгарский Праздник весны, а также День государственности Сербии, День польской конституции.

По приглашению Комитета по внешним связям, Ассоциация регулярно участвует в ежегодном Международном конгрессе «Санкт-Петербург и славянский мир».

Мероприятия обществ дружбы со славянскими странами, большинство которых проходит в Ассоциации, посещают представи-

тели генеральных консульств, деятели культуры и национальные объединения славянских народов, постоянно происходит обмен опытом работы. Обществами дружбы регулярно организуются конференции, лекции, выставки. В каждом мероприятии участвуют от пятидесяти до семидесяти человек.

Например, на мероприятии, посвященном Дню славянской письменности и культуры 24 мая 2022 г., выступили: советник Представительства МИД в Санкт-Петербурге Николай Викторович Лукичев, первый секретарь отделения Посольства Республики Беларусь в Санкт-Петербурге Ольга Владимировна Петрунина; приветствие прислал генеральный консул Словацкой Республики в Санкт-Петербурге Игорь Дерцо. С приветствием от имени председателя Комитета по внешним связям Евгения Дмитриевича Григорьева выступил начальник отдела гуманитарного сотрудничества Управления международного сотрудничества Комитета по внешним связям Иван Михайлович Бодак. О деятельности Кафедры славянской филологии, развитии ее международных связей рассказали: заведующая кафедрой, доцент О. В. Раина, профессор Е. Ю. Иванова, старший преподаватель Н. В. Сивенкова. Руководители обществ дружбы со славянскими странами С. И. Андреев и Л. В. Шишко поделились опытом работы по изучению культуры Чехии и Польши. Н. М. Калашникова рассказала собравшимся о традициях Кирилло-Мефодиевских чтений в Российском этнографическом музее.

На вечере состоялось награждение победителей детского художественного конкурса «Открой славянский мир». В нем участвовали более двухсот пятидесяти школьников Северной столицы. Тридцать лучших работ участников этого конкурса экспонировались в поездах петербургского метрополитена. Это был совместный социальный проект Комитета по внешним связям, Ассоциации международного сотрудничества и Кафедры славянской филологии. Конкурс способствовал развитию интереса молодежи к истории, культуре и современным достижениям славянских стран, осмыслению ими исторических и культурных связей славянских народов, а также усилению роли интернационального и духовно-нравственного воспитания в образовательной среде.

На мероприятиях, посвященных славянским странам, молодые исполнители всегда представляют интересные культурные

программы, в которых участвуют Хоровой ансамбль «Девчата» Дворца детства и юношества Приморского района под руководством Л. А. Гречановой, коллектив «Польские цветы» ансамбля при Конгрессе поляков в Санкт-Петербурге (руководитель Ольга Делазари), фольклорный коллектив — ансамбль «KORALE» под руководством Марии Арефьевой, который исполняет польские народные и национальные песни и танцы, учащиеся школы № 193, в которой изучались славянские языки, ансамбль воскресной школы «Закрила» при Генеральном консульстве Болгарии в Санкт-Петербурге.

Уже третье десятилетие Кафедра славянской филологии совместно с Ассоциацией международного сотрудничества продолжает традиции ежегодных конференций «Державинские чтения» и «Диалог славянских культур», которые проходят в Дни славянской письменности и культуры.

Конференция «Державинские чтения. Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики» посвящена истории и современным проблемам болгаристики и славистики. На ней выступают российские и болгарские филологи и историки. В 2022 г. прошла уже XXVII конференция. Ежегодно в мае студенты-слависты СПбГУ возлагают цветы на Волковском кладбище на могилы А. Х. Востокова — основателя отечественного славяноведения и академика Н. С. Державина — болгариста, создателя первого в нашей стране Института славяноведения, заведующего кафедрой славянской филологии Санкт-Петербургского университета с 1925 по 1953 г.

Член Правления Союза друзей Болгарии, заведующая отделом Российского этнографического музея Наталья Моисеевна Калашникова ежегодно проводит Кирилло-Мефодиевские чтения и праздники славянской культуры в Российском этнографическом музее.

В честь Дня славянской письменности и культуры проводится ежегодная конференция «Диалог славянских культур» совместно с Кафедрой славянской филологии. Ежегодно конференция вовлекает в научную деятельность студентов петербургских вузов и старшеклассников, проявляющих интерес к языкам, истории и культуре славянских стран. Ассоциация и руководство обществ дружбы считают важным обращение петербургских студентов и школьни-

ков к славянской теме, к духовным истокам славянской культуры, к тому, что сближает и объединяет славян. Молодые исследователи в своих выступлениях затрагивают такие темы, как: народные обычаи славян, выдающиеся памятники славянской литературы, славянское единение в наши дни.

Молодежная конференция начиналась в 1990-е гг., когда ряд школ Санкт-Петербурга ввели в свои программы изучение славянских языков, истории и культуры славянских народов. Занятия в школах проводили преподаватели, выпускники и студенты Кафедры славянской филологии и Кафедры истории славянских и балканских стран СПбГУ. Тогда же у этих преподавателей возникла мысль об организации конференции, в которой бы приняли участие школьники, чтобы они могли поделиться тем, что они узнали, а также студенты — вчерашние школьники, но уже получившие специальные знания в области славистики. Эта инициатива была поддержана Санкт-Петербургской ассоциацией международного сотрудничества. Конференцию назвали «Диалог славянских культур», первое заседание прошло во Дворце творчества юных, а затем заседания проходили в Доме дружбы, в красивых интерьерах Шуваловского дворца (по адресу: набережная реки Фонтанки, 21). Наталия Григорьевна Елисеева, председатель Правления СПб АМС, в своем приветственном слове всегда подчеркивала важность обращения петербургских школьников и студентов к духовным истокам славянской культуры, к тому, что сближает и объединяет славян.

С 2007 г. конференция проводилась в читальном зале Славянского фонда Библиотеки Академии наук, старейшем славистическом центре Санкт-Петербурга и России. Участников конференции, школьников и студентов, всегда приветствовали: директор Библиотеки Валерий Павлович Леонов, председатель Правления СПб АМС Маргарита Федоровна Мудрак, представители генеральных консульств славянских стран. В наши дни нет школ, где изучаются славянские языки и культуры, но есть учителя и учащиеся, которых интересует славянская тема, важные исторические события, объединяющие славян, и которые хотят выразить свое уважение к близким нам славянским народам.

«Диалог славянских культур» проводится в честь Дня славянской письменности и культуры, поэтому один из первых докладов

всегда посвящен святым солунским братьям Кириллу и Мефодию, которые в IX в. изобрели славянскую азбуку, создали славянскую письменность и разработали первый литературный общий для всех славян язык.

Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга все годы поддерживал молодых славистов, способствовал изданию сборников докладов юбилейных заседаний (V, X, XV). В 2022 г. подготовлена публикация материалов конференции совместно с издательством «Астерион».

Все общества дружбы со славянскими странами работают по своим определенным программам, учитывая традиционные и новые формы деятельности, связи со странами, программы Комитета по внешним связям и других городских организаций.

Многочисленные мероприятия Общества русско-сербской дружбы свидетельствуют о росте интереса к Сербии и об активности руководства общества и его членов.

Общество русско-сербской дружбы учреждено при Санкт-Петербургской ассоциации международного сотрудничества. Оно объединяет жителей Петербурга и представителей сербской диаспоры, проникнутых любовью к культуре Сербии и России. Председатель общества — Иван Федорович Прийма, кандидат филологических наук, член Союза писателей России, известный славист и переводчик. Общество проводит значимую работу по укреплению культурных и научных связей между двумя братскими славянскими народами, по изучению и популяризации сербского языка и литературы в России.

Тесные профессиональные и дружественные контакты связывают общество с известными научными и культурными учреждениями в Сербии, в Республике Сербской и Черногории, с Сербской академией наук и искусств, Белградским университетом, Матицей Сербской, Сербской национальной библиотекой, с государственными университетами городов Ниш, Баня-Лука, Косовска Митровица, Нови Сад, Никшич, с «Русским домом» в Белграде, Русским культурным центром в Баня-Луке, Славистическим обществом Сербии и другими организациями и отдельными деятелями науки, культуры и образования.

Общество русско-сербской дружбы постоянно откликается на просьбы правительства города о переводческом обеспечении перегово-

воров с сербской стороны, в том числе на высшем уровне. За профессионализм в переводческой деятельности общество неоднократно удостоивалось благодарностей от Правительства Санкт-Петербурга.

Ежегодно Общество организует и проводит ряд торжественных мероприятий, посвященных сербским православным и национальным праздникам, таким как Рождество Христово, Пасха Господня, Видовдан, День святителя Саввы, День государственности Сербии, День перемирия в Первой мировой войне, а также значимым датам нашей общей истории и культуры — День Победы, День славянской письменности и культуры, День полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады. Общество отмечает юбилейные даты известных сербских писателей, деятелей культуры, проводятся литературно-поэтические вечера, посвященные их творчеству. В рамках таких вечеров члены правления знакомят гостей с лучшими произведениями сербской литературы, проводят встречи с сербскими писателями, поэтами и переводчиками, презентации книг и сборников поэзии, конкурсы чтецов, выставки рисунков. Литературно-поэтические и музыкальные вечера знакомят с уникальными народными традициями, сербской народной и духовной музыкой, особенностями сербской кухни.

Вместе с Правительством Ленинградской области и Гатчинской епархией Русской православной церкви общество выступает учредителем Международной научно-практической конференции «Россия и Сербия — вместе сквозь века». Участники конференций — известные ученые, писатели, культурные и религиозные деятели из России, Сербии, Черногории, Республики Сербской. Конференции освещают актуальные темы и важнейшие события сербской и славянской истории.

Общество играет заметную роль в международных конференциях и форумах — Международном форуме «Санкт-Петербург и славянский мир», которую проводит Комитет по внешним связям, Международном культурном форуме, Международном экономическом форуме, различных филологических, исторических и искусствоведческих конференциях в России, Сербии, Республике Сербской и Черногории. В рамках конференций проводятся встречи с государственными деятелями, осуществляется обмен мнениями ученых разных стран.

В рамках Общества русско-сербской дружбы под руководством Драганы Дракулич-Прийма, кандидата филологических наук, автора учебных пособий по сербскому языку, успешно работает Школа сербского языка «Академия Сербия». Ученики школы принимают участие в переводческих и литературных конкурсах, успешно проходят экзаменационные испытания по сербскому языку международного образца. При школе работает Сербский разговорный клуб.

Деятельность Общества русско-сербской дружбы активно развивается в Интернете. На официальной странице общества в социальной сети ежедневно публикуется информация по сербскому языку, литературе, географии, произведениях сербской литературы, истории, культуре и общественной жизни Сербии. На многих мероприятиях выступает музыкальный ансамбль общества «Даница».

Основной задачей Союза друзей Болгарии является укрепление и развитие традиций дружбы между народами России и Болгарии, ознакомление петербуржцев с историей, жизнью, культурой и традициями Болгарии, с ее достижениями в области науки, образования. Деятельность Союза друзей Болгарии осуществляется при взаимодействии с болгарским землячеством, с Генеральным консульством Республики Болгария в Санкт-Петербурге.

Многие годы председателем Союза друзей Болгарии была Зоя Кузьминична Шанова, доцент кафедры славянской филологии СПбГУ, чьи труды по достоинству высоко оценены в самой Болгарии. Именно благодаря ее активной и целеустремленной деятельности в сфере просвещения молодежи появились конференции «Державинские чтения. Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики», «Диалог славянских культур», были разработаны методики преподавания славянских языков в школах Санкт-Петербурга в середине 1990-х. В настоящее время председателем общества является старший преподаватель Кафедры славянской филологии Наталья Владимировна Сивенкова.

Традицией Союза друзей Болгарии является совместное празднование наиболее значимых событий и национальных праздников. Союз друзей Болгарии вместе с Кафедрой славянской филологии и Ассоциацией международного сотрудничества организуют Фестиваль славянской письменности и культуры в честь святых Кирилла и Мефодия.

Просветительская деятельность общества в условиях сложной международной обстановки имеет большое значение. Она вызывает неизменный интерес у петербургской общественности, молодежи, болгарской диаспоры. Бескорыстность и энтузиазм всегда украшали эти события.

Всегда на высоком уровне ежегодно отмечается Национальный праздник Болгарии — 3 марта, День освобождения Болгарии от Османского ига, значимый не только для болгарской, но и для русской истории. В выступлениях организаторов и участников всегда подчеркивается решающая роль Русской армии в освобождении Болгарии в результате победы в русско-турецкой освободительной войне. Отмечается также, что, благодаря усилиям Союза друзей Болгарии, в нашем городе поддерживается интерес к истории и культуре Болгарии, к болгарскому языку.

Весело, с шутками, в непринужденной атмосфере студенты приглашают всех желающих отметить день болгарского студента (8 декабря). Именно через дружелюбие и неформальность таких встреч проще разрушить напряжение и идеологические противостояния, дать надежду будущему поколению на справедливые и добрые взаимоотношения.

Общество российско-польской дружбы (ОРПД) создано в 2016 г. в рамках Санкт-Петербургской ассоциации международного сотрудничества и является правопреемником Общества советско-польской дружбы, учрежденного в 1957 г. в структуре Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами.

Работой ОРПД руководит правление, в состав которого входят известные ученые, деятели науки и культуры, а также представители бизнеса.

В настоящее время деятельность ОРПД проходит в условиях прекращения официальных контактов между Россией и Польшей. С осторожностью осуществляются культурные и гуманитарные связи. Как правило, они реализуются исключительно в рамках международных проектов, в том числе фестивалей, форумов, выставок, концертов.

В этой связи ОРПД концентрирует работу на участии членов правления и активистов общества в мероприятиях, организованных представителями польской диаспоры «Полония», «Конгресс

поляков», «Единство», польскими дипломатами, организациями и движениями в России и Польше, которые стремятся к возобновлению и активизации деловых, научных и культурных связей.

С этой целью ОРПД, используя СМИ и, прежде всего, информационно-аналитический журнал «Консул», ведет целенаправленную работу по достоверному информированию общественности региона о событиях в Польше и популяризации российско-польских культурных и научных связей.

Таким образом, несмотря на сложную обстановку, ОРПД намерено и в дальнейшем строить свою работу, ориентируясь на историческую неизбежность восстановления добрых отношений с Польшей.

Российско-польское сотрудничество продолжается в различных его проявлениях, прежде всего, в гуманитарной сфере и в рамках совместных межрегиональных проектов. Их руководители выступают с новыми инициативами, способствующими росту взаимопонимания между гражданами обеих стран.

Несмотря на неблагоприятный политический климат, Общество «Россия — Польша» не приостановило свою деятельность. Используя контакты с родственными организациями: РОО «Конгресс Поляков в Санкт-Петербурге» (председатель Лилия Витольдовна Шишко), КПО «Полония», Ассоциация «Вспульнота Польска», а также с польскими и петербургскими СМИ, общество продолжает работу по информированию общественности о событиях в Польше, по популяризации польской науки и культуры.

Дом дружбы стал местом встречи петербуржцев, которые интересуются Польшей и изучением польского языка. Здесь ежемесячно проводит свои мероприятия дружественная организация РОО «Конгресс поляков в Санкт-Петербурге», в том числе лекции по истории и культуре Польши: «Польша глазами петербуржцев», «Польская родословная», рождественские встречи для польских семей — «Миколайки». Во время Дней города проводятся ежегодные акции по уходу за польскими захоронениями на петербургских кладбищах.

В Ассоциации международного сотрудничества также проходят встречи с деятелями культуры Польши, с генеральным консулом Польши Гжегожем Шлюбовски, выступления популярного ансамбля песни и танца «KORALE».

Чешско-русское культурное общество имени братьев Чапеков возникло в январе 1995 г. как объединение интеллигенции, призванное восстановить и развить вековые традиции культурных контактов двух наших народов. Основателями и членами общества стали петербургские богемисты, писатели, поэты, переводчики, ученые, журналисты. Хорошо известное в России глубоко гуманистическое литературное, философское, художественное наследие братьев Чапеков должно было стать своеобразным мостом между двумя культурами и задать тон в работе общества.

В приветствии Учредительному собранию общества посол Чешской Республики в России Рудольф Сланский писал: «В лице братьев Чапеков почти все области искусства соединились с талантом, воспринятым как обязательство. Эти устремления братьев Чапек появились не только — хотя и в первую очередь — в их творениях, но и в атмосфере традиционных домашних приемов по пятницам у Карела Чапека. Я рад, что Общество братьев Чапеков, намеревающееся воспринять эту эстафету, возникает именно в Петербурге, интеллектуальном центре России».

Работа общества строится по нескольким направлениям.

Заседания общества проводятся ежемесячно. К каждому заседанию по заранее принятому плану готовятся два-три доклада, посвященных юбилейным и памятным датам, наиболее важным событиям в общественной и культурной жизни Чехии. Всего за годы существования общества проведено более 200 заседаний. Вот некоторые их тем докладов: «Т. Г. Масарик о Достоевском», «Эдуард Направник в Петербурге», «Техническая культура Чехии конца XIX — начала XX веков», «Чешский сюрреализм», «Карел Чапек и современная чешская фантастика» «Прага Марины Цветаевой», «Петр Великий и Чехия», «Книги и судьба Ганзелки и Зикмунда» и многие другие. Наиболее интересные доклады публикуются в ежегоднике общества «Прага — Санкт-Петербург», который регулярно выходит с 1998 г.

С первых дней существования общества его члены являются организаторами и активными участниками выставок, научных конференций, круглых столов, вечеров, других акций, связанных с чешской культурой, историей, с сегодняшним днем страны.

Члены общества доцент Кафедры славянской филологии Ирина Макаровна Порочкина и член Союза писателей Игорь

Владимирович Иванов стали инициаторами и активными участниками установления в Санкт-Петербурге бюста Т. Г. Масарику, который был открыт в начале XXI в. во дворе филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Опыт деятельности Ассоциации международного сотрудничества и обществ дружбы со славянскими странами показывает, что общественная дипломатия, гуманитарное сотрудничество стало важным фактором международной жизни. Это одно из наиболее эффективных средств формирования позитивного диалога, достижения согласия и обеспечения взаимопонимания между народами, особенно в сложившейся в мире ситуации. Ведь именно через культурные контакты и гуманитарные связи проще приобщиться к историко-культурному контексту взаимоотношений славянских стран и продолжать развитие диалога.

В. М. Мокиенко, С. И. Николаев

Пословицы Петровского времени в славянской ретроспективе²

Аннотация. В статье излагаются результаты создания большого словаря «Пословицы и поговорки Петровского времени (в ретроспективе и перспективе)». Он составлялся на основе собрания полного свода пословиц и поговорок этой эпохи и предварялся комплексным источниковедческим и лингвистическим анализом этого материала. Одной из существенных задач исследования стал комплексный лингвокультурологический анализ источников по паремиографии собственно Петровской эпохи. В итоге участниками проекта был создан первый в русской лексикографии Большой специализированный словарь пословиц и поговорок, отражающий языковые изменения, вызванные к жизни реформами Петра I. Опыт создания такого словаря, как кажется, имеет теоретическое

² Работа велась при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-42008.

и практическое значение как для отечественной лексикографии (особенно исторической), так и для сопоставительной паремиологии и паремиографии европейских языков.

Ключевые слова: эпоха Петра Первого, паремиология, паремиография, пословицы, поговорки, лингвокультурология, словарь «Пословицы и поговорки Петровского времени (в ретроспективе и перспективе)».

XXII Славистические чтения памяти Петра Андреевича Дмитриева и Германа Ивановича Сафронова в этом году счастливо совпадают со значимым для России юбилеем — 350-летием Петра Первого. В молодости мы не раз и на конференциях, и на славистических капустниках обыгрывали совпадение имени первого русского императора с именем заведующего нашей кафедры славянской филологии. Сходство это уже в 1963 г. подчеркнул Борис Александрович Ларин, предложив на должность зав. кафедрой избрать Петра Андреевича, отметив, что по-гречески имя Петр значит «камень». И Петра Андреевич, и Петр Великий этим качеством — твердостью воли и способностью довести свои идеи до реализации — несомненно обладали.

Из многих доминантных реформ Петра Первого одна из самых эффективных — языковая реформа, направленная на образование русского литературного языка нового качества, опирающегося на гражданское посредственное наречие. В докладе В. И. Супруна, прозвучавшем на Дмитриевских чтениях 2022 г., описаны кардинальные орфографические реформы этого времени. И действительно, изменения, происходившие в Петровскую эпоху, затронули практически все сферы государственной и частной жизни. В отношении языковых процессов, отражающих эти реформы, новации также имели место на всех языковых уровнях, но едва ли не самыми заметными являются серьезнейшие универсальные процессы в области словарного состава: лексики и фразеологии.

Задачей нашего проекта, поддержанного грантом РФФИ, было путем лексикографического описания такой важной части словарного состава языка, как паремиология, показать место Петровской эпохи в истории русского языка: с одной стороны, органическую связь с предыдущим языковым состоянием — языком Московской

Руси, а с другой стороны, перспективность тех лингвистических, лингвокогнитивных, лингвосociологических процессов, которые берут начало в период петровских реформ и стимулируют многие активные процессы современного состояния языка и общества. Диахроническое изучение фразеологического фонда русского языка невозможно без исследования фразеологии XVIII в: «в это время возникли, окончательно сформировались или получили первую фиксацию в памятниках многие фразеологические единицы современного русского языка» (Палевская 1980: 4).

Актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью максимально полного и системного изучения языкового материала, соответствующего кардинальным общественно-политическим и экономическим, культурным изменениям в России, вызванным к жизни реформами Петра I. Показать зеркальное отражение общественных процессов в русском языке этого времени на материале паремиологии — основная цель нашей статьи.

Участниками проекта был собран полный свод пословиц и поговорок Петровского времени, предложен комплексный источниковедческий и лингвистический анализ этого материала и создан первый в русской лексикографии Большой специализированный словарь пословиц и поговорок, отражающий языковые изменения, вызванные к жизни реформами Петра I. Опыт создания такого словаря, как кажется, имеет теоретическое и практическое значение как для отечественной лексикографии (особенно исторической), так и для сопоставительной паремиологии и паремиографии европейских языков.

Изучение пословиц и поговорок Петровского времени было непосредственно связано и с необходимостью их единого систематического лексикографического описания. Если в допетровское время пословицы и поговорки не собирали, то период Петровского времени уже ознаменован первыми собраниями и записями паремий. При этом паремиографы Петровской эпохи не отличали пословиц от поговорок и книжных выражений (в том числе библеизмов), что оказало влияние на корпус всех сборников этой эпохи.

Одной из существенных задач нашего исследования поэтому стал комплексный лингвокультурологический анализ источников по паремиографии собственно Петровской эпохи. В основу слова-

ря «Пословицы и поговорки Петровского времени (в ретроспективе и перспективе)» был положен ряд таких сборников, из которых самый ранний хронологически — это сборник, изданный П. К. Симиони, который датируется началом 1690-х гг. (Симиони 1899) и представляет материалы раннепетровского времени, давая возможность изучить генетическую преемственность и новаторство фразеологии Петровского времени по сравнению с периодом языка Московской Руси, а самый поздний — сборник А. И. Богданова (ППЗ 1961: 65–118, 259–263), формально завершённый в 1741 г.

В общий корпус проектируемого словаря «Пословицы и поговорки Петровского времени (в ретроспективе и перспективе)» вошли и некоторые паремиологические собрания, не учтенные (или недостаточно изученные) в предшествующей исследовательской литературе — например, целый ряд пословиц из русско-французского словаря, составленного А. Кантемиром в 1730-х гг., а также данные словарей XVIII в.

Собранный по паремиологическим сборникам Петровского времени языковой материал был дополнен, подвергнут комплексному филологическому и лингвокультурологическому анализу, описан с точки зрения достижений современной лексикографии и паремиологии и снабжен лингвокультурологическим комментарием. При этом собранному паремиологическому корпусу был придан современный лексикографический вид, соответствующие пословицы и поговорки были четко распределены по стержневому (обычно — первому знаменательному существительному) компоненту, их семантика детализирована и истолкована. Каждая из описанных паремий была точно паспортизирована хронологически и регионально (ареально) и стилистически квалифицирована.

Одной из актуальных научно-исследовательских задач для нас стала разработка лингвокультурологических и этимологических комментариев к тем паремиям, где это возможно, и главное — демонстрация ретроспективных и перспективных проекций описываемого материала. Это потребовало как скрупулезного учета той части пословиц и поговорок (весьма малочисленной и в большинстве своем книжного происхождения), которые были зафиксированы в допетровский период, так и детализированной паспортизации петровского паремиологического наследия в послепетровских

источниках — вплоть до новейших сборников ХХI в. и современных диалектных словарей. Тем самым петровский «паремиологический след» обозначен здесь с предельной точностью и полнотой не только в ретроспективе, но и в исторической и языковой перспективе.

Паремиологическое наследие Петровской эпохи рассматривалось составителями словаря на фоне тех преобразований, которые для нее характерны. Реформы Петра I, как известно, коренным образом преобразовали Россию, направив ее в европейское русло. Языковая политика Петра служила ему мощным инструментом процесса воспитания нового отношения к власти и воздействия власти на подданных европеизированного государства. Результатом языковых реформ этого времени стала активизация всех стилистических регистров отечественной речи — как народной, так и европейской, взаимодействие разнородных стихий в языке этого времени. Смещение европейского, народно-разговорного, делового и книжно-славянского языкового материала образовывало своеобразный «плавильный котел», в котором формировалась новая литературная норма при отсутствии на этот момент синтезирующей концепции русского литературного языка. В нашем исследовании языковые особенности, вызванные к жизни реформами Петра I, нашли как эксплицитное, так и имплицитное выражение, ибо весь массив пословиц и поговорок, подвергнутых комплексному анализу и лексикографическому описанию, в полной мере отразил динамику языкового развития от книжных церковнославянских канонов к стихии народной разговорной речи. Немало внимания было уделено и заимствованным (resp. калькированным) паремиям из европейских языков, что позволило относительно объективно определить баланс оппозиции «Своего» и «Чужого» в паремиологическом наследии Петровской эпохи. Таким образом, это богатое наследие получило системное и максимально полное описание на фоне современных достижений русской и европейской паремиологии и паремиографии.

В процессе составления словаря нами решались как теоретические, так и многие конкретные лексикографические и лингвокультурологические задачи.

Специальное внимание уделено здесь взаимодействию петровских паремий с генетически родственными славянскими.

Источниковедческий аспект исследования паремиологии Петровской эпохи стал постоянным объектом анализа. В филологии, как известно, особо значим анализ отдельных языковых фактов, маркированных временем и пространством. В ходе фронтального исследования паремиологии Петровского времени мы находили такие факты и предлагали их детальное филологическое осмысление.

Вот несколько таких филологических «находок», инкрустированных в паремиологическое наследие изучаемой эпохи.

Для понимания динамики пословиц и поговорок Петровской эпохи особо значима их регистрация в текстах этого времени. Один из такого рода контекстов принадлежит Стефану Яворскому (Морозов 1880: 83), где он восхваляет Петра [1709]:

«Он не себе родися, но вам родися. Бывают многие такие, которые себе рождаются; иной уродится дармоед, напрасно хлеб портит, напрасно место упражняет, пользы з него отнюдь никакой, ни Богу свечка, ни людям щипка, а хотя у такого сундуки денег будут полны, что ж, коли з самого что з козла, ни млека, ни волны; Потребнейше деньги его нижели он сам; ни его на войну, ни его в поселство, ни его в приказ, куди кинь, туди клин, бо родив ся Клим».

Здесь любопытно соединение разных по значению, но сходных по стилистической тональности поговорок. Они являются и своеобразным языковым «паспортом» автора этого текста, ибо все три паремии отражают общность их восточнославянско-польского происхождения.

Так, фразеологизм ни Богу свечка, ни людям щипка — один из вариантов известного русского выражения ни Богу свечка, ни чёрту кочерга и его параллелей: бел. ні Богу свеча, ні чорту ражон, ні Богу свечка, ні чорту галавешка, ні свечка ні жога; укр. ні Богові свічка, ні чортові кочерга; ні Богові свічка, ні чортові ладан; ні Богу (Богові) свічку, ні чортові угарка (огарок), ні (ані) Богові (Богу) свічка, ні (ані) чортові (чорту) ожог (гожуг, ожуг, ожув); ні Богові свічка, ні чортові (лукавому) дудка; ні Богові свічка, ні лукавому ладан; ні Богові свічка, ні чортові головешка; ні Богові свічка, ні чортові каганець; ні Богові свічка, ні дідькові огарок; ні к Богу свічка, ні к дідьку ожига; ні Богові свічка, ні чортові коцюба; пол. ani Bogu świeczki, ni diabłu ożoga (ożeg). Ареал этого оборота простирается и до иноязыковой периферии, где, видимо, является

заимствованием из восточнославяно-польского источника — ср. чеш. диал. (моравск.) *i Bohu svičku i čertu oharek*) и лит. *nei dievui žvakė nei velniui šakė*.

Поговорка что з козла, ни млека, ни волны по ареальной характеристике адекватна выше приведенной: рус. как от (с) козла молока: ни шерсти ни молока; бел. як (што) ад (з) казла малака, укр. як з козла молока; із його добра, як із козла: ні вовни, ні молока (Ном.: 46); пол. *jak z kozła: ni mleka, ni wełny; jak z kozła: ani wełny, ani mleka; z kozła nie ma ani mleka, ani wełny* (НКР 2: 180–181). При этом они типологически связаны с древним представлением о козлином молоке как о чем-либо несуществующем (ср. птичье молоко), известным многим народам. Ср. нем. *den Bock melken* (букв. «доить козла») «заниматься чем-л. бесцельным, бессмысленным и глупым», которое имеет античные аналогии (Бирих, Мокиенко, Степанова 2007: 315+). Слово волна ‘шерсть’ в контексте поговорки что з козла, ни млека, ни волны, употребленной Стефаном Яворским, обнаруживает польско-украинскую языковую подоплеку его автора, что, как известно, соответствует его биографии.

Третья поговорка из этого контекста — куди кинь, туди клин, бо родив ся Клим имеет также восточнославянский ареал: рус. куда (как) ни кинь — всё клин; бел. куды (дзе) ні кінь усюдых клін, укр. куди не кинь то клин; куди не кинь всюди клин; як не кинь, усе клин (ПП 1: 251). Прибавка бо родив ся Клим явно украиноязычная.

Как видим, лингвистический анализ паремиологической триады, употребленной Стефаном Яворским, убедительно свидетельствует о «прорыве» народно-речевой стихии восточнославянского извода в литературный язык Петровского времени. При этом особую ценность приобретают варианты таких паремий, демонстрирующие их давнюю укорененность в народной речи и позволяющие реконструировать их внутреннюю форму. Так, фиксация варианта ни Богу свечка, ни людям щипка дает убедительный аргумент для опровержения популярной этимологии фразеологизма ни Богу свечка, ни чёрту кочерга. Согласно ей в сочетании с компонентом чёрт слово кочерга значит ‘клюка, однобокий железный костыль, прут, согнутый на конце для мешания и сгребания жара’, что вызывает представление о мрачном загробном мире, в котором, согласно мифологическим представлениям, черти используют кочерги для

мешания огня в кострах, над которыми кипят котлы с грешниками. Первоначально якобы имелся в виду настолько никчемный человек, который не может ни Богу свечу поставить и помолиться, ни грехов сотворить (Алефиренко 1989: 315).

Компонент щипка (укр. 'щепка') в контексте Стефана Яворского, однако, подтверждает иную, собственно лингвистическую реконструкцию первичного образа этого выражения. В нем сохранилось древнейшее значение слова кочерга, забытое в современном языке. Оно означает отнюдь не железную клюку для выгребания углей из печки, а деревянную обгорелую палку, которую можно было использовать как коптящую лучину — для освещения избы. Именно это значение, подтверждаемое русским диалектным и славянским материалом, проясняет внутреннюю логику этого фразеологизма, построенного на противопоставлении «Богова» и «чертова» источников света. Этот образ реконструируется и на основе других вариантов выражения — напр., бел. ні Богу свеча, ні чорту ражон, ні Богу свечка, ні чорту галавешка, ні свечка ні жога; укр. ні Богові свічка, ні чортові кочерга; ні Богу(Богові) свічку, ні чортові угарка (огарок); ні Богові свічка, ні чортові (лукавому) дудка; ні Богові свічка, ні чортові головешка; ні Богові свічка, ні чортові каганець; ні Богові свічка, ні дідькові огарок; ні к Богу свічка, ні к дідьку ожига; ні Богові свічка, ні чортові коцюба; пол. ani Bogu świeczki, ni diabłu ożoga (ożeg) и под. (Мокиенко 1998: 265–271). И укр. щипка 'щепка' — еще одно ее подтверждение. Вариантный восточнославянско-польский континуум этой поговорки подтверждают и ее записи Петровского времени: «Ni Bogu świeczki, ni diabłu ożoga» — поэтика Михаила Финицкого, 1741 — «Ни Богу свеча, ни черту потреба» (Lewin 1972: 177).

Подобный пример восточно-западнославянского фразеологического взаимодействия являет собой устойчивое сравнение как от вербы яблоков (дождаться), зафиксированное в «Сборнике старинных и новых пословиц, поговорок, загадок, велеризмов и проч.» В. Чернелева (1998: 117) под № 2663. Это — своеобразная фольклорная «формула невозможного», обозначенная П. Г. Богатыревым как «оксюморон в действии» (Богатырев 1962). Она подчеркивает невероятность реализации обещанного или ожидаемого. Ее употребление в Петровское время убедительно подтверждается как ареалом этой паремии, так и ее историей.

Выражение известно в разных вариантах, в том числе и рус. сказать (наговорить) на вербе грушу ‘рассказать что-л. абсолютно неправдоподобное, пообещать невозможное’. Это общеславянское выражение является обломком фольклорных и мифологических традиций, отраженных языком. С фольклорной точки зрения оно является одним из многочисленных вариантов «формулы невозможного». Ср. рус. когда рак на горе свистнет, укр. коли рак у полі свисне, коли черепаха зайця пережене и др. выражения, известные многим языкам. В украинском языке и русских диалектах (особенно южнорусских) формула невозможного конкретизируется, в частности, в комбинации растительной символики вербы и груши, корни которой — в древних славянских и индоевропейских мифологических представлениях. Верба — дерево, которое, с одной стороны, быстро растет и характеризуется живучестью, с другой — несмотря на цветение, бесплодно. Груша же, в отличие от вербы, наоборот — символ плодovitости. Так, укр. груші на вербі и рус. народн. сказать на вербе грушу стали «соединением несоединимого» в квадрате. Это не просто подчеркивание невозможности появления сладких плодов на нефруктовом дереве, но и противопоставление двух мифологических символов — бесплодности и плодovitости (Мокиенко, Мокиенко 1995: 90–91). По такой же структурно-семантической модели и формуле невозможности образованы другие диалектные выражения, напр.: помор. От сосны — сосна, от яблони — яблоня (Меркурьев 1997: 124); От сосны яблоко не родится (Меркурьев 1997: 111); печор. От берёзы ива не вырастет (Ст. 2008: 520; Ст. 2008а 2: 145); смол. (1891): Никогда на ели яблока не урождается, а на яблоне шишка встречается (СРНГ 47: 347); сиб. ирон. на берёзе калачи искать ‘искать легкой жизни’ (СРГС 2: 2). Как видим, в некоторых из этих вариантов мифологически исконная груша заменяется яблоком — подобно сравнению как от вербы яблоков (дождаться), зафиксированному сборником старинных русских пословиц В. Чернелева.

О большей древности слова груша в сочетании с вербой свидетельствует ее гораздо более широкий ареал и более активная варируемость: кубан. наговорить на груше вербы ‘наговорить ерунды’, сказывать на вербе груши (грушу) ‘врать’, насказать на вербе грушу (зайца в верше, щуку в капкане) (Д. 1: 178), укр. (лемк.) коли верьба

ярко зродить ‘никогда’; рус. диал. когда на сосне груши будут ‘никогда’ (Д. 1: 401), урал. жди от дурака работы, как с осины апельсина; сиб. шутил. готовые калачи (каральки) на березе (березах) растут (висят) ‘о легкой, беззаботной и обеспеченной жизни’. Оборот груши на вербе в украинском языке весьма активен и имеет развернутые варианты типа На вербі груші, а на осиці кислиці не ростуть; Дулі на вербі не ростуть.

В польском языке такой оборот зарегистрирован уже в 1618 г. и также активно варьируется: *ukazuje gruszki na wierzbie* (он показывает груши на вербе). За пределами восточнославянского региона (кроме чеш. диал. *hrušky na vrbě ukazovat*, хорв. *čekati kruške na vrbі*) конкретно-компонентное наполнение этой фразеологической модели резко меняется — ср. кашуб. *šukać bani na lešćeńe* (искать дыню в лещине, т. е. диком орешнике) ‘искать нечто неосуществимое’, серб. *kad na vrbі роде грође* (когда верба родит виноград), хорв. *kad na vrbі rodi groђе* (когда на вербе родится виноград) ‘никогда’, болг. (диал.) *роди ше и нашата врба грозде*, *когато врба[та] роди грозде* ‘никогда’, *врба[та] роди дренки*, *врба[та] родила маслини (сливи) и др.* Типологические параллели последних можно найти в румынском («когда на тополе вырастут груши, а на раките фиалки»), немецком («подожди, пока груша родит розы») и др. Некоторые варианты этой «растительной» модели были известны и в древнерусском языке, например, — в «Молении Даниила Заточника» (XII–XIII вв.): *Не ѣдалъ есмь от ивѣя смокви, ни от липѣя стафили; не едалъ есмь от дуб[ь]я смокви.* Эти выражения также шутивно-иронически характеризуют нечто невозможное, неосуществимое.

При типологичности этой модели, в славянских оборотах она конкретизируется собственными языковыми средствами с опорой на хорошо известные в народе семантические реалии. Выбор «вербы», «груши», «винограда», «смоковницы» и т. п. во многих из них не случаен с точки зрения мифологической символики. Верба, например, в индоевропейской мифологии имеет устойчивые коннотации с бесплодием, в то время как ее быстрый рост, гибкость и живучесть сделали ее у славян магическим символом — стимулятором здоровья. В поговорке о вербе стабильное «спаривание» ее с грушей не случайно, ибо груша — символ плодородия.

Восточнославяно-польское сравнение о груше на вербе в процессе речевого употребления в разных регионах, как видим, могло варьировать оба компонента. Любопытным паремиологическим «креативом» такого рода является шутливо-иронический фразеологизм *сказывать / сказать журавля на сосне [, а на вербе грушу] 'наговорить чего-л. неправдоподобного, невероятного; солгать', зафиксированный в паремиологическом собрании XVIII в., найденном в г. Себеже и опубликованном в 1912 г. Он представляет собой контаминацию двух народных фразеологизмов: сказать журавля на сосне (Д. 4, 191) и (сказать) на вербе грушу. Первый имеет севернорусский ареал, воплощаясь в различных вариантах: арх. наговорить (намануть) жорнова на сосны (где жорнов 'журавль'), новг. наговорить (намолоть, насадить) журава (журавов) на сосну 'много и не по делу наговорить', 'наговорить много, скрывая суть сказанного, обманывая', новг. наобещать (насулить) журава (журавов) на сосну 'много наобещать и не выполнить', перм. наказать журавля на сосне 'наврать', перм., наказать воробья на сосне 'очень много чего-л. наговорить', ирк. не кажи мне соловья на сосне 'не говори небылицы' — и лишь спорадически перекликаясь с другими славянскими зонами (ср. устар. чеш. ukázal mi fuku (straku) na vrbě — 'сообщил нечто неправдоподобное, обманул'). Контаминация двух оборотов в псковском регионе не случайна, поскольку она отражает типичную для Псковщины ареальную «переходность», демонстрируя ее тесные связи с восточнославянскими и западнославянскими диалектами.*

В ряду такого вариантного многообразия исходной восточнославянско-польской паремиологической модели «формулы невозможности» сравнение как от вербы яблоков (дождаться) является закономерным, хотя мифологически и нелогичным.

Анализ предложенных пословиц и поговорок показывает, таким образом, что европеизация русской паремиологии в Петровскую эпоху (как и в определенный «подготовительный» период до нее) нередко осуществлялась либо при взаимодействии, либо при «перекличке» с польским языком. Полонизмы-кальки благодаря языковому родству быстро и органично адаптируются, тем более что многие из них являются общим восточнославянско-польским наследием. Не случайно ареал анализируемых здесь паремий

можно определить именно как восточнославянско-польский континуум. Даже при более широкой, общеевропейской проекции такие паремии нередко имеют особый славянский «окрас», и нередко такой окрас можно квалифицировать как языковые маркеры польского посредства.

Так, в очерке о поговорках, употребленных Стефаном Яворским, продемонстрирована восточнославянско-польская ареальная общность трех паремий: ни Богу свечка, ни людям щипка, что з козла, ни млека, ни волны и куди кинь, туди клин, бо родив ся Клим. Являясь своеобразным языковым «паспортом» автора этого текста, они в то же время запечатлели разные тенденции отмеченного ареального взаимодействия: если две первые поговорки отражают общность их восточнославянско-польского происхождения, то третья поговорка ограничивается восточнославянским ареалом, не обнаруживая прямой переклички с польским пространством и по языковым деталям маркируясь как собственно украинская. Лингвистический анализ паремиологической триады, употребленной Стефаном Яворским, таким образом убедительно свидетельствует о «прорыве» народно-речевой стихии восточнославянского извода в литературный язык Петровского времени.

Более сложный случай — сравнение как от вербы яблоков (дождаться). Здесь при универсальности типологической модели (фольклорная формула невозможности) это выражение — результат восточнославяно-польского языкового взаимодействия, затронувшего русское диалектное (напр., псковское) пространство и в деталях отразившего ареальную междиалектную «переходность». В то же время сама структурно-семантическая модель, по которой созданы такие регионализмы, имеет более древние общеевропейские истоки.

Как видим, судьба паремий Петровского времени подтверждает динамизм языковой системы, иницилируемый и стимулированный реформами Петра Первого. Представленный паремиологический материал отразил те же актуальные процессы, которые характерны для всей этой системы. Особенно заметны две мощные тенденции: влияние на новый литературный стандарт разговорно-просторечной стихии и воздействие на него общеевропейских языковых единиц. В пословицах и поговорках эти две тенденции нередко

выступают единым фронтом, ибо европейские кальки создают впечатление «Своего», а не «Чужого» и быстро усваиваются носителями языка. Тем более что этот процесс проходит и под влиянием произведений тех писателей, на кого он действует органически.

Литература

Алефиренко Н. В. Фразеомобразующее взаимодействие языковых уровней (на материале украинского и русского языков): докт. дисс. Полтава, 1989. 502 с.

Ан. 1988: Аникин В. П. (ред. и сост.). Русские пословицы и поговорки. М., 1988. 431 с.

Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / под ред. проф. В. М. Мокиенко. 4-е изд., стереотипн. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2007. 926. [2] с.

Богатырев П. Г. Формула невозможного в славянском фольклоре // Славянский филологический сборник. Уфа, 1962. С. 347–363.

Д.: Даль В. И. Толковый словарь живого русского языка. 3-е изд. Т. 1–4. М., 1955.

Меркурьев И. С. Пословицы и поговорки Поморья. СПб., 1997. 154 с.

Мокиенко В. М. От Авося до Ятя. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1998. 491 с.

Мокиенко В. А., Мокиенко В. М. Из этимологии фразеологических диалектизмов (пск. сказать журавля на сосне, а на вербе грушу в зеркале славянских соответствий) // Псковские говоры и их носители (лингво-этнографический аспект). Межвузовский сб. научн. тр. Псков, 1995. С. 88–97.

Морозов П. О. Феофан Прокопович как писатель. СПб., 1880. 402 с.

Ном.: Українські приказки, прислів'я і таке інше: Зб. О. В. Марковича і других / Спорудив М. Номис. СПб, 1864.; 3-е вид. Київ: Либідь, 1993. 766 с.

Палевская М. Ф. Материалы для фразеологического словаря русского языка XVII века. Кишинев: «Штиница», 1980. 367 с.

ПП 1–4: Прислів'я та приказки. Упорядник М.М. Пазяк. К.: «Наукова думка». Т. 1. Природа. Господарська діяльність людини. 1989. 479 с. Т. 2. Людина. Родинне життя. Риси характеру. 1990. 524 с.

Т. 3. Взаємини між людьми. 1991. 440 с. Т. 4. Українські прислів'я, приказки та порівняння з літературних пам'яток. Упорядник М. М. Пазяк. К.: Наукова думка, 2001. 392 с.

ППЗК 2000: Пословицы, поговорки и загадки Кубани / составители: Л. Б. Мартыненко, И. В. Уварова; под ред. Л. А. Степанова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2002. 167 с.

Симони П. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий / Собрал и приготовил к печати Павел Симони. СПб., 1899.

СРГС: Словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Федорова; сост. Н. Т. Бухарева, А. И. Федоров. Т. 1–5. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999–2006.

СРНГ: Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова; главный редактор С. А. Мызников. Вып. 1–52. Л. — СПб., 1965–2021. (издание продолжается).

Ставшина Н. А. Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры. Сыктывкар, 2008. 776 с. (компьютерный вариант рукописи). Печор. (Усть-Цильм.).

Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры / составитель Н. А. Ставшина. СПб.: Наука, 2008а. Т. 1: А–М. 416 с.; Т. 2: Н–Я. 420 с.

ТПП 1993: Тверские пословицы и поговорки. Сост. Л. В. Брадис, В. Г. Шомина. Серия «Тверской фольклор». — Тверь: Тверской областной гос. Дом народного творчества, 1993. — 60 с.

Фр.: Галицько-руські приповідки / зібрав, упорядкував і пояснив д-р. Іван Франко. В 3 т., 6 вип. // Етнографічний збірник. Львів. Т. 10. 1901. Т. 16. 1905. Т. 23. 1907. Т. 24. 1908. Т. 27. 1909. Т. 28. 1910.

Чернелев В. Русские паремии — 7777: Сборник старинных и новых пословиц, поговорок, загадок, велеризмов и проч. / сост. В. Чернелев. Кишинев: Парагон, 1998. 338 с.

Lewin P. Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722–1774) a tradycje polskie. Wrocław, 1972. 192 s.

НКР: Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich / pod red. akad. Ju. Krzyżanowskiego. Т. 1–4. Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy, 1969–1978.

**Любимые буквы Петра I: об орфографических
предпочтениях императора
(к 350-летию со дня его рождения)**

Аннотация. Петра Великого нередко считают человеком невысокой грамотности, что связывают с недостатками его образования и занятостью царя государственными делами иного предназначения, чем русская орфография. Между тем исследование эпистолярного наследия свидетельствует о том, что Петр I выработал собственную орфографическую систему, в которой особое место отводилось буквам *Ѡ*, *Ѣ* и *І*. При этом он в значительной степени руководствовался принципом «пиши, как слышишь». В его письмах встречается гиперкорректное отражение оканья. Петр I достаточно последовательно использует *Ѣ* в корнях слов, но в окончаниях эту букву смешивает с *Е*. Подобные орфографические особенности отражались во многих документах XVIII в., нормативное оформление русской орфографии начинается только в трудах Я. К. Грота (1873, 1885).

Ключевые слова: орфография, Петр I, эпистолярное наследие, оглушение согласных, диссимиляция, вокативная формула, аутографоним.

Петр I за свою в целом не слишком долгую жизнь (52 года) оставил большое количество документов, написанных собственноручно и надиктованных, поправленных его рукой или с его ведома. В их числе большое количество писем, написанных многочисленным адресатам. В них отразилось отношение Петра к близким и подчиненным, к своей стране и зарубежью, к культуре и истории. В письмах мы можем также проследить и его отношение к русской орфографии.

Учителем для детей царя Алексея Михайловича был назначен Симеон Полоцкий (в миру Самуил Гаврилович Петровский-Ситнианович, 1629–1680), образованнейший человек своего времени. Он знал польский, греческий и латынь, что было редким набором языков для представителя русского православного духовенства. Он учил царских детей от первого брака Ивана, Софью и Федора (Костин 2013).

Первоначально учителем Петра должен был стать Сильвестр (Медведев, 1641–1691), бывший при дворе главным библиографом и справщиком книг. Он был учеником Симеона Полоцкого, входил в «латинскую» партию, поддерживал царевну Софью, участвовал в Стрелецком бунте и в конце концов был казнен отсечением головы (Топычканов 2021: 377–379).

Патриарх Иоаким настоял, чтобы учителем у царевича был определен думный дьяк Никита Моисеевич Зотов (1644–1717). Но косвенно Симеон Полоцкий все же имел отношение к образованию Петра, он в 1677 г. испытал учительские способности Зотова и допустил его к обучению пятилетнего царевича. В книге Николая Петровича Ламбина «История Петра Великого» помещена иллюстрация «Никита Зотов с учеником Петром» (Ламбин 1843: 43). Под руководством Н. М. Зотова Петр изучил азбуку, читал на церковнославянском языке, научился писать и считать. Имеется также картина художника-передвижника Клавдия Васильевича Лебедева (1852–1916) «Дьяк Зотов обучает царевича Петра Алексеевича» (1903).

В биографии Петра упоминается еще учитель Афанасий Алексеевич Нестеров. Он был подьячим Оружейного приказа, но, видимо, владел также музыкальной грамотой, потому что у одного из потомков сохранились ноты, записанные его рукой. Об этом ныне забытый поэт Ап. Нестеров рассказал в журнале «Москвитянин» за 1844 г. Вероятно, Афанасий Нестеров учил юного царевича пению, хотя, по другой версии, мог также рассказывать об оружии и военном деле. Впоследствии Петр не забывал своего учителя, назначал ему хорошее жалованье и награждал поместьями (Нестеров 1844: 29–32).

30 мая 1682 г. Петру исполнилось 10 лет. Он должен был начать изучение грамматики, риторики, философии, иностранных языков и других предметов. Однако 27 апреля скончался царь Федор Алексеевич, не доживший месяц и 2 дня до своего 21-летия. Начались споры о престолонаследии. При поддержке патриарха Иоакима Нарышкины, родные матери молодого царевича, в тот же день возвели на престол Петра. Милославские, родственники царевича Ивана и царевны Софьи, подняли стрельцов на бунт, результатом стало венчание 25 июня на царство Ивана и Петра, а править начала

Софья (Лавров 1999). Петр с матерью удалился в село Преображенское, где создал «потешное» войско. Было не до грамотности и не до учебы.

Петр так и не освоил полностью правил русской грамматики своего времени. Его эпистолярное наследие зачастую демонстрирует главный орфографический принцип царя: «Пиши, как слышишь». Можно сказать, что он был своеобразным предшественником выдающегося сербского лингвиста и педагога, создателя вуковицы — варианта кириллической азбуки для сербского языка Вука Стефана Караджича (1787—1864), который сформулировал для своего языка правило: «Пиши као што говориш, читај као што је написано». В Сербии караджичевская орфографическая реформа была официально принята в 1868 г., через 4 года после кончины ученого (Толстой 1997: 12). Н. И. Толстой подчеркивает, что языковая реформа В. С. Караджича вдохновила словаков, отчасти словенцев, болгар, белорусов и украинцев на формирование их литературных языков на чисто народной основе (Там же: 9—10).

Петр I не создал новой азбуки для русского языка, однако его вклад в формирование правил начертания букв был значителен. По его инициативе и его указу от 1 января 1708 г. в России был введен гражданский шрифт, гражданница, сохранившаяся в своей основе до наших дней. Известны листки с предлагаемыми вариантами букв с личными пометками царя. Первая книга, набранная новым шрифтом, «Геометрия славенски землемерие, издадесе повелением благочестивейшего великого государя нашего царя и великого князя Петра Алексеевича», была напечатана уже в марте 1708 г. (Григорьева 2009; Осипов 2010). Кстати, использование буквы *i* на обложке этой книги и в тексте весьма напоминает орфографические поиски Петра.

Не будем спешить с осуждением безграмотности царя. Лучше внимательно вчитаемся в строки его текстов и удивимся тонкому фонетическому слуху Петра, отражению в его письмах особенностей произношения слов и словосочетаний русскими людьми в XVIII в. Что-то сохранилось в русской фонетике до наших дней, какие-то черты представлены в наших диалектах.

Опубликовано большое количество документов, созданных самим Петром или при его активном участии. В некоторых публика-

циях, особенно в таких, где тексты петровских документов только цитируются, вносятся исправления в орфографию, обычно для лучшего понимания текста, но порой и с целью обелить царя, показать его более грамотным, чем это проявлялось в оригинальном документе. Однако в собраниях писем Петра I тексты подлинников приводятся бережно, в них мы можем увидеть орфографические предпочтения царя, его представления о звучании и написании русского слова. Наиболее ярко его стиль проявляется в письмах, адресованных жене Екатерине. В них он предстает любящим и заботливым мужем и отцом, человеком, обладающим чувством юмора, но и серьезным государственным деятелем (Письма 1861).

До 31 августа 1710 г. в письмах Петр обращается к своей еще пока не венчанной супруге Екатерине «Матка!» и подписывается «Piter». 3 сентября 1711 г. появляется в письме новая вокативная формула: Катеринушка, другъ мой (Там же: 16). Меняется и аутографоним (о термине см.: (Супрун 2008: 98)): Петръ. Официальное венчание Петра I с Екатериной Алексеевной состоялось только 19 февраля 1712 г. в церкви Исаакия Далматского в Петербурге (Уортман 2002: 87–91).

В 1716 г. Петр отправляется в Европу для лечения и переговоров. С особой нежностью обращается он в это время к супруге: Катеринушка, другъ мой сердешнинькой! (Письма 1861: 42). Это обращение сохраняется во время Персидского похода 1722 г., в котором они были вместе, но порой разлучались, отправляясь в путь на разных санях.

Катеринушка, другъ мой сердешнинкой, здравствуй!

Посылаю тебѣ комвой 80 казаковъ да семьдесятъ простыхъ лошадей съ сѣдлы, на которыхъ посади салдатъ, а драгунъ послать нѣково; а тѣ, которые меня провожали, такъ худы лошади, что ни одинъ со мною не поспѣлъ. Не подасадуи, что замѣшкали присылкою; збирали лошадей съ карауловъ отъ линіи, а которые шли со мною не годятца, зѣло устали. При семь посылаю къ тебѣ новины — звѣно лососи, дай Бог на здоровье кушать! Я сюды поспѣлъ въ полночь; а комвою со мною только 16 человекъ и съ офицеры поспѣли скоро, только косточки горазда болятъ. За симъ паки здравствуй. Дай, Боже, васъ скоро въ радости здѣсь видеть.

Петръ

Изъ Царицына, в 21 д. ноебря 1722 (Там же: 133).

Катеринушка, друг мой сердешнинкой, здравствуй!

Здѣсь встрѣтились моѣ сани: того для сани, въ которыхъ ѣхаль, отпустиль къ вамъ. Также посылаю къ вамъ вина бургонского 7 бутылкокъ да другого краснаго 12 бутылкокъ. Дай, Боже, вамъ здорово пить!

Петръ

Въ 6-й д. декабря 1722, изъ Ялани* (Там же: 133–134).

(*Ялань — ныне Елань-Колено, село Новохопёрского района Воронежской области.)

В некоторых публицистических изданиях пишут о Петре как об абсолютно безграмотном человеке и о его бедном словарном запасе. Польский историк и публицист Казимир Феликсович Валишевский (1849–1935) в популярной книге «Петр Великий» сообщает читателям: «Из сохранившихся тетрадей видно, что он [Петр] в шестнадцать лет писал очень неумело и изучал только два первых правила арифметики» (Валишевский 1990: 54). Конечно, петровские тексты содержат большое количество ошибок, но назвать его полностью безграмотным нельзя. Он выработал свою орфографию, в которой отмечаются некоторые понятные только ему правила употребления букв. Что же касается словарного запаса, то он у царя достаточно богат, в нем содержатся и церковнославянизмы, и заимствования из европейских языков, и народные слова, услышанные Петром при общении с русскими людьми в разных частях государства. Царь был весьма начитан, он с детства интересовался книгами, постоянно обращался к ним в своей неумемной деятельности, «правя государством из походной кибитки и с почтовой станции» (Ключевский 2019: 887). Его библиотека составляла около 2 тысяч книг и рукописей (Библиотека 1978).

Нужно также учесть, что в те времена строгие орфографические правила соблюдались разве что монахами при переписывании старинных книг, да и то это были правила церковнославянской орфографии, а не правописание живого русского языка, в реальной же переписке то и дело встречались близкие к произношению записи. Сподвижник Петра Борис Петрович Шереметев в письмах к государю писал: Афонасья, убивство, колмыки, саратовцовъ и царицынцовъ, без знамя, брегантины, из Витепска, брат ево (Письма 1778).

См. также: (Захаров 2016). В конце XIX в. Я. К. Грот в своем руководстве «Русское правописание» (1885) постоянно сетует на «неверное начертание» слов, находит ошибки у Карамзина, Пушкина, в словаре В. И. Даля (Грот 1894).

При всей спонтанности и даже некоторой наивности в петровской орфографии выделяются некоторые буквы, к которым царь был явно неравнодушен. Он использовал их в самых разных позициях в слове, отражая произношение и какие-то свои графико-эстетические взгляды. Одной из любимых букв Петра I была фита Θ. Он открыто ею любовался, употребляя в самых разных позициях в словах.

В этимологически верном месте она пишется Петром нечасто, что связано с тем, что эта буква весьма редко употреблялась в русских словах. В словаре В. И. Даля всего 6 словарных статей на букву Θ, в которых содержится 18 слов. Кроме имен, остальные лексемы не входили в активный словарный запас русского языка, поэтому трудно их ожидать в лексиконе Петра. В середине слова эта буква также встречается нечасто.

Фита в письмах Петра встречается на месте этимологического ферта Ф: конференцияхъ, со флотомъ, финского берега, офицерофъ, съ Франциею, фелтъмаршаловъ, флагманъ, въ диафрагмени, Делфина, въ Дуселдорфъ, Фландриі, фляша, фонъ-Ренъ, флага, въ фантанне, за фиги, февъраля. Петр регулярно записывает букву Θ в конце слова на месте В, отражая реальное звучание слова, оглушение этого звука в его конце: рублефъ, не мешкафъ, лимонфъ, заклатцофъ, судофъ, лѣсофъ, устрерсофъ, остафъ, прогифъ, Арлофъ, запечатафъ. Эта буква также употребляется им вместо В перед глухим гласным (регрессивная ассимиляция): не такофския, фъсеми, софсемъ, фсею.

Второй любимой буквой Петра был Ъ. Он встречался не только в конце слова после согласной буквы и после приставки перед корнем с начальной гласной, как это предписывалось тогдашними орфографическими правилами, но и регулярно между согласными при их скоплении. В письмах встречаются большое число примеров: здравъствуйте, пъравое крыло, въсѣхъ, покълонъ, Авъгустъ, Бѣльгородъ, крѣпкая, завътра, евъвины дочки, поздравляю, въ Карльсбадѣ, левъшею въладеть, певъчихъ, пълатье, вѣкторію, рюмьку, купно, пърезенте, пъриѣзде, захъватили, Мавърина,

всьсѣрѣтитъ, октябрь. В некоторых случаях таким разделителем может выступать Ъ: не пылачь, всюю.

Во времена Петра в русском правописании уже было установлено правила употребления букв и и і в словах. Они в целом совпадали с правилами церковнославянской орфографии, определенными еще в XV в. Константином Костенецким (Лукин 2001; Турилов 2011). Позже Я. К. Грот отмечал: і пишется перед гласными буквами и перед ѣ, а также в приставке прі- перед начальным гласным корня, в слове міръ и его дериватах. Однако в именах Владимиръ, Житомиръ, Казимиръ он считал правильным написание и, упоминая о спорности их этимологии (Грот 1894: 59–60).

Петру явно нравилась буква і, он ее писал курсивом, с хвостиком внизу, употребляя букву: а) в союзе и: тетка і матка (обращение к Анисье Кирилловне Толстой, придворной даме Екатерины, и к самой Екатерине); б) в начале слова: інова, ізвѣсная персона, ітакъ, іли, ітить, ібо, ізрядно, ізбу; в том числе регулярно в предлоге изъ: изъ лагору, изъ ѳлота; в) после и и других гласных (а не перед ними, как по правилам): конъюнкціі, Ѳинландіі, скамповѣі (гребные суда), сії, до Голандіі, коі, утаіль, заімки, наіпаче.

Петр I, как и все образованные люди того времени, хорошо знал церковнославянский язык. В письмах регулярно обнаруживаются церковнославянизмы, грамматические конструкции и даже тексты на церковнославянском языке: понеже, дательный самостоятельный: Богу ізволшу, творительный: за противными зѣло жестокими ветры. Господь даде, Господь і взять, яко же годѣ ему, тако і бысть. Буди імя Господне благословенно отнынѣ і до вѣка! (письмо от 11 января 1716 г.) (Письма 1861: 42).

В письмах довольно часто обнаруживаются народные слова и выражения: куды, сюды, вчерась, чечной ‘геморрой (обычно: почечуй)’, туне ‘напрасно, тщетно, без пользы’, въ сумнѣннїи; сама друга, сама третья; третьево, четвертово дни. Два медвѣдя въ одной бергуге не уживутца. Ср.: берлута (Словарь 1966: 260). Дѣла тамъ играютъ словоно молодая брага. Человека, говорящего необдуманнѣе вещи, Петр сравнивает с «медвѣдемъ, заявляющимъ, что зарѣжетъ кобылу».

Петровское время — период активного заимствования русским языком слов из голландского, немецкого, французского, английского, польского, итальянского и других языков. В эпистолярном

наследии такие заимствования также встречаются: мудерь — мать, алирть — союзник, бась — мастер, дамь — плотина, песть — чума, цыдулка, шипор, виктория, салютация, авантаж, шмак или тьяк (smack, tjalk). Калькируется грамматическая конструкция, вероятно, немецкого языка: Поздравляю вамъ празникомъ. Петр транскрибирует нидерландскую поговорку: Тюсхень дут энъ зеге Ююль гого берге леге. Ze liegen tussen dood en zege veel hoge bergen ‘Между смертью и победой лежит много высоких гор’.

Тонко чувствуя семантику слов и их созвучие в разных языках и диалектах, Петр прибегает в письмах к языковой игре: Курь или петухъ нашъ окончатца (заимствование кур < нем. Kur, нидерл. kuur, фр. cure ‘курс лечения’ и русская диалектная единица кур ‘петух’ (Словарь 1980: 106)). Упомянув о своей грыже как об одушевленном существе, царь пишет, что он «самъ другъ с килою».

Как и любой любящий супруг и отец, Петр I пользовался в домашнем кругу особыми словами, которыми называл супругу и детей. С особой радостью он ждал рождения наследника, которого в письмах ласково называл потрошонком, потрохом, шишечкой, шишенькой. Царь пишет супруге в письме от 12 августа 1714 г.: «Поцелуй потрохъ нашъ за меня» (Письма 1861: 39). Ср.: потрохи ‘о внутренностях человека’ (Словарь 1996: 308). С нововыежею Анною поздравляет он Екатерину, употребляя в письме причастие от глагола движения, намекающее на процесс родов. Дочь Елизавету Петр именовал четверной лапушкой. Предполагается, что прилагательное образовано от слова четвереньки (Анисимов 2001: 45). Вероятно, к маю 1710 г., когда впервые прозвучало это прозвище, четырехмесячная Лизенка начала ползать на четвереньках. Это прозвище повторяется в письмах до сентября.

В письмах Петра регулярно отражаются процессы в системе вокализма русского языка: аканье (караля, аднакожь, радить, Арлофъ, даканчиваемъ, салдаты, карабля, асталась), еканье (тежело, кнесь-папъ, мѣсеца, растресло, дватцети, ентарнымъ, тресенья, петью днями), гиперкорректное оканье (стонцовали, отаковать, опетить, олтерацы).

Как и сейчас многие малограмотные люди, Петр в своих письмах отражает оглушение согласных на конце слова и перед глухим: привесь от васъ письмо, припатковъ, лихоратка, до Люпка, блиско.

Отмечены также случаи озвончения согласного: везь день, зь батькою, зь Богомъ, зь баталиономъ, зь дѣтками, збылась, зь галѣры. Встречаются также полная ассимиляция звуков и упрощение групп согласных: поѣжай, отѣжаю, цвецкого; невѣскѣ, позно, извѣсная, по пѣразникѣ, счаслива, радосную.

Регулярно в письмах встречается диссимиляция $k > x$ перед глухим согласным: хъ королю, хъ которому, налехкѣ, лехче, дохтурица, дохторъ, дохтуръ, хъ Калагъривой, хъ коменданту. Согласный [г] на конце иноязычных топонимов переходит в [х], причем этот звук сохраняется и в сильной позиции: въ Лейпцихъ, изъ Лейпциха, изъ Выборха, исъ Питербурха, Гамбурхѣ, до Амбурха, Пейцынбурхѣ. Звук [г] выпадает в интервокальной позиции: кнеіне.

Петр I ять ѣ в корне слов почти всегда пишет правильно: Бѣльгородъ, мѣсеца, свѣжихъ, крѣпкая, извѣсная, въ лѣса, мѣсте, здѣлали, здѣсь, орѣхи. В окончаниях же непоследовательно встречаются ѣ и е, иногда рядом в разных словах: тетушкѣ, лапушкѣ, сестрѣ, ямѣ, кнесъ-папѣ, Козмѣ, мнѣ, теткѣ и сестре, сестре і дочкѣ.

Итак, то, что на первый взгляд кажется безграмотностью в эпистолярном наследии Петра I, при внимательном рассмотрении оказывается особой орфографической системой, разработанной царем и последовательно воплощенной им в своих многочисленных письмах. Вспомним слова В. К. Третьяковского в его переводе «Римской истории» Ш. Роллена, которые можно отнести и к правописанию царя: «Орфография моя большею частию есть по изглашению для слуха, а не по произведению ради ока...» (Третьяковский 1963: 28). С нескрываемым удовольствием использует Петр букву Ѡ, передавая с ее помощью звук [ф] на месте этимологического [ф] и оглушение звука [в] в конце слова и перед глухим согласным. Столь же последовательно используется им буква і в начале слова и после гласной. Буквой ѣ отделяются согласные друг от друга: видимо, при написании слов царь проговаривал буквенный состав каждого слова, отмечая ѣ паузы между записью отдельных букв. Написание в корнях слов ѣ свидетельствует о том, что Петр I неплохо знал основной список слов с этой трудной буквой. Отражение в письмах аканья, оглушения, ассимиляции и диссимиляции говорит о том, что в целом уровень грамотности царя был невысоким, как и у других русских людей этого времени. Он, прежде всего, стремил-

ся отразить на письме реальное звучание русского слова. Подобные орфографические поиски отражались во многих документах XVIII в. и даже позже. С такими же ошибками писали Екатерина Алексеевна, сподвижники и современники Петра I. Орфографические труды В. К. Тредиаковского (1748), М. В. Ломоносова (1755) вышли уже после кончины императора, императрицы и их окружения. Фактически русская орфография была оформлена только трудами Я. К. Грота.

Литература

Анисимов Е. В. Елизавета Петровна. 3-е изд. М.: Молодая гвардия, 2001. 426 с. (ЖЗЛ).

Библиотека Петра I: указатель-справочник / сост. Е. И. Боброва; отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Издат. отдел БАН, 1978. 215 с.

Вагеманс Э. Царь в Республике: второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717) / пер. с нидерл.; Э. Вагеманс. СПб.: Европейский Дом, 2013. 250 с.

Валишевский К. Петр Великий / репринт. воспроизведение издания 1911 года; К. Валишевский. М.: ИКПА, 1990. 424 с.

Григорьева Т. М. От старой азбуки до современного алфавита / Т. М. Григорьева, Б. И. Осипов // Кириллица — латиница — гражаница: Коллективная монография / отв. ред. Т. В. Шмелева. Великий Новгород: Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2009. С. 12–19.

Грот Я. К. Русское правописание: Руководство, составленное по поручению Второго отделения Императорской Академии наук. 11-е изд. СПб.: Тип. ИАН, 1894. — XII + 120 + XL с.

Захаров А. В. Грамотность «царедворцев» в эпоху Петра I // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2016. Т. 35. № 4. С. 24–33.

Ключевский В. О. Курс русской истории: Полное издание в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2019. 1197 с.

Костин Б. А. Верный слуга Алексея Михайловича: Две жизни Симеона Полоцкого. М.: Вече, 2013. 284 с. (От Руси к империи).

Лавров С. А. Регентство царевны Софьи Алексеевны: служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 годах. М.: Археологический центр, 1999. 298 с.

Ламбин Н. П. История Петра Великого. СПб.: Изд-во Эльснера, тип. К. Крайя, 1843. 749 с.

Лукин П. Е. Письмена и православие: Историко-филологическое исследование «Сказания о письменах» Константина Философа Костенецкого. М.: Языки славянской культуры, 2001. 376 с.

Нестеров Ап. Несколько слов о Петре Великом // Москвитянин. 1844. № 7. С. 29–32.

Осипов Б. И. Судьбы русского письма: История русской графики, орфографии и пунктуации: монография / Б. И. Осипов. М.: Изд-во Ин-та русского языка РАН; Омск: Омский научный вестник, 2010. 320 с.

Письма к государю императору Петру Великому от генерал-фельдмаршала, тайного советника, малтийского, с. апостола Андрея, Белого Орла и прусского ордена кавалера графа Бориса Петровича Шереметева. Ч. I. М.: Императ. ун-т, 1778. 296 с.

Письма русских государей и других особ царского семейства. М.: Тип. С. Орлова, 1861. 166 + XII с.

Словарь русских народных говоров. Вып. 2 / глав. ред. Ф. П. Филин, ред. Ф. П. Сороколетов. М.; Л.: Наука, 1966. 314 с. Вып. 16 / глав. ред. Ф. П. Филин, ред. Ф. П. Сороколетов. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1980. 376 с. Вып. 30 / глав. ред. Ф. П. Сороколетов, ред. О. Д. Кузнецова, П. И. Павленко. СПб.: Наука, 1996. 384 с.

Супрун В. И. Пушкинский аутографоним // Вопросы ономастики. 2008. № 6. С. 97–103.

Толстой Н. И. Слово о Вуке Караджиче // Славяноведение. 1997. № 4. С. 8–13.

Топычканов А. В. Сильвестр (Медведев) // Православная энциклопедия. Т. LXIII. М.: Правосл. энцикл., 2021. С. 377–379.

Третьяков В. К. Избранные произведения / вступ. статья и подготовка текста Л. И. Тимофеева; В. К. Третьяковский. М.; Л.: Совет. писатель, 1963. 578 с. (Библиотека поэта).

Турилов А. А. От Кирилла Философа до Константина Костенецкого и Василия Софьянина: (История и культура славян IX–XVII веков). М.: Индрик, 2011. 448 с.

Уртман Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: Материалы и исслед. Т. 1, вып. 8: От Петра Великого до смерти Николая I / [авториз. пер. С. В. Житомирской]; Ричард С. Уртман. М.: ОГИ, 2002. 606 с.

Философские источники «Писем с хутора» П. А. Кулиша³

Аннотация: В статье рассматривается круг философских источников «Писем с хутора» П. А. Кулиша. В свете источников «Письма» предстают как сложный синтез идей Руссо, Сковороды, романтической эстетики, народнической идеологии и христианских воззрений автора. Установки «хуторской философии» неоднозначно соотносились с жизнью писателя на собственном хуторе в 1850-х гг. Реальности быта и отношения с крепостными крестьянами находились, с одной стороны, в противоречии с положениями его «хуторской философии», с другой — являлись тем практическим опытом, на котором писатель эти идеи разрабатывал. Сковорода как духовный подвижник на ниве украинской литературы был образцом для Кулиша: ему была близка личность странствующего философа. В 1870-е гг. Кулиш посвятил ему большую поэму. Но в «Письмах» в большей степени отразилось увлечение Кулиша идеями Руссо. В духе швейцарского мыслителя идеология «хуторской философии» Кулиша стала не только религиозно-философским обоснованием позитивного значения хутора в истории украинского народа, его языка и литературы, но и своего рода историософской программой развития украинской нации.

Ключевые слова: Кулиш, Руссо, Сковорода, романтическая эстетика, «Письма с хутора», город, село, украинская литература, историософия, идея государственности.

Пантелеймон Александрович Кулиш (1819–1897) — известный украинский поэт, прозаик, публицист, историк, переводчик, издатель. Страстный борец за культуру и просвещение, создание украинской литературы, он фактически самостоятельно осуществил реформу украинского языка (ввел так называемую «кулишивку» — фонетическое правописание украинской речи). В русской литературе он больше всего известен как один из первых биографов Гоголя — автор двухтомных «Записок о жизни Николая Васильевича

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда по проекту №23-28-10302 «Методология аксиологического подхода к изучению русской словесности А. А. Ухтомского и Д. И. Чижевского».

Гоголя» и первый издатель шеститомного собрания сочинений писателя.

Художественно-публицистические «Письма с хутора» П. А. Кулиша выходили на украинском языке в Петербурге в журнале «Основа» на протяжении 1861 г. В «Письмах» писатель сформулировал основные тезисы своей «хуторской философии». Свое народническое хуторянство он сам рассматривал как «проповедь правдивого сердца». Цикл состоит из пяти писем. Их объединяет образ повествователя — хуторянина, Павла Белебенья.

Круг источников можно разделить на биографические и историко-литературные. К биографическим относится история хуторянства четы Кулишей в приобретенном в 1850 г. хуторе Зарог (об этом пишет В. Петров (Петров 1929: 38–71)). К историко-литературным мы можем отнести и философские источники. В частности, в исследовательской литературе, посвященной творчеству Кулиша, обычно называют имена Г. С. Сковороды (1722–1794) и Жан-Жака Руссо (1712–1778). Но, как правило, один ряд исследований рассматривает тему Кулиш и Сковорода, а другой — Кулиш и Руссо. Так, Д. И. Чижевский анализировал «хуторянскую философию» в контексте основных воззрений Сковороды. В частности, он рассматривает в качестве ведущих для философии и творчества Кулиша идеи «внутреннего человека» и кардиоцентричности, теорию культуры (как средства и пути развития) и хуторянство как образ жизни, проистекающий из всего комплекса исповедуемых писателем идей (Чижевський 1983: 119–128). Но Чижевский характеризует близость мировоззрений Сковороды и Кулиша не как генетическое, а как типологическое сходство. Он видит «типичность и характеричность фигуры Сковороды для украинской духовной истории» в целом (Чижевський 2003: 85; перевод цитат с украинского мой. — А. Т.).

Вопрос, который необходимо обозначить в рамках данной статьи, состоит в том, как взаимодействуют идеи Сковороды и Руссо в контексте одного произведения, «Письмах с хутора» Кулиша. Дело в том, что философские взгляды Сковороды находятся в достаточно непростом соотношении с философскими взглядами Руссо. В плане вектора развития мысли — это совершенно разнонаправленные концепции. У Сковороды первопричиной всего является Бог,

и все устремлено к Богу; у Руссо взгляд обращен на общество, на социум. И мысль его сосредоточена на устройстве человека в социуме. Л. В. Ушкалов доказывает, что Скворода не мог не знать сочинений Руссо (ими увлекался любимый ученик Сквороды — М. И. Ковалинский; в Харьковском коллегии, когда там преподавал Скворода, Руссо читали на уроках французского) (Ушкалов 2004: 778). А Сквороде популярные идеи швейцарца, судя по всему, были неинтересны. Он нигде его не упоминает. Об этом пишет Ю. Я. Барабаш: «Характерно, что, даже касаясь вопросов, которые относились к числу ключевых для философии и социологии Просвещения, Скворода, как правило, предлагает собственную их трактовку, не связанную с просветительскими влияниями. Таков вопрос о равенстве и неравенстве людей» (Барабаш 1989: 232). Исследователь в качестве примера приводит известное сравнение Бога с фонтаном из диалога «Букварь мира» Сквороды. Это сравнение призвано прояснить тезис философа о «неравном всем равенстве»: «Бог богатому подобен Фонтану, наполняющему различные сосуды по их вместимости. Над Фонтаном надпись сия: “Не равное всем равенство”. Льются из разных трубок разные Токи в разные Сосуды, вокруг Фонтана стоящие. Менший сосуд менее имеет. Но в том равен есть большему, что равно есть полный. И что глупее, как равное равенство, которое Глупцы в Мир ввестъ всеу покушаются?» (Скворода 2016: 669). В свое время В. Ф. Эрн писал по поводу этого же высказывания Сквороды, что это «вылазка Сквороды против того внешнего “равенства”, которое с таким пафосом было провозглашено XVIII веком» и что «внешнее равенство предполагает всеобщую непризванность, универсальную несродность, против которой ратует Скворода прежде всего» (Эрн 1912: 309). Принцип счастья по Сквороде состоит в «сродности», «чисто личной призванности», «верности и последовательности своей природе» (Там же: 310). Именно поэтому он восстает против просветительского эгалитаризма. Несмотря на это, Сквороду часто называют «украинским Руссо», когда речь идет о критике рационализма, теории воспитания и принципе природосоответствия (хотя, если говорить, к примеру, о теории воспитания, то Скворода разработал и опробовал ее раньше Руссо). Центральным объединяющим для них понятием является все же понятие природы. В понимании Природы

как Откровения, равноправной Откровению писанному, сходятся вместе восточнохристианская (Максим Исповедник) и западноевропейская (Баадер, Беме, потом Шеллинг) традиции (об этом пишет Эрн: Там же: 40–41). Сковорода исходит из восточнохристианской традиции, Руссо разрабатывает свое понимание природы на основе западноевропейской. Но в данном пункте разнонаправленные линии сходятся вместе. Значение Природы в концепции Руссо предопределено контекстом религиозно-философского развития этого понятия в христианской литературе. И это же понимание Природы оказывается значимым для «Писем с хутора» П. А. Кулиша.

Известно, что Кулиш в 1840–1850-е гг. читал сочинения Руссо. Сковороду он тоже хорошо знал, любил и в 1870-е гг. посвятил ему поэму «Грицько Сковорода» в 3 частях, которую опубликовала А. М. Белозерская-Кулиш уже после смерти писателя в посмертном собрании его сочинений. В этой поэме, изображая жизнь Сковороды в широком контексте истории Украины, Кулиш излагает свое понимание идеала биографии как служения и утверждает значение деятелей культуры как важнейший фактор образования нации и ее плодотворного развития. Правда, Д. И. Чижевский считал, что Кулиш не воспринял сочинения Сковороды: «Поэма Кулиша не имеет ни малейшего отношения к содержанию произведений Сковороды, Кулиш привязывает свои размышления, кажется, только к биографии Сковороды. Кулиша, наверное, оттолкнул от Сковороды его язык (если вспомним, как относился Кулиш к проблеме украинского литературного языка, то поймем, что ему Сковорода как писатель мог казаться лишь представителем ‘академической тьмы’» (Чижевський 2003: 339). Тем не менее, хочется обозначить проблему типологической связи между Сковородой и Кулишем в сфере эстетики, понимания природы слова и образа. Эта связь предопределена генетической связью эстетических представлений эпох барокко и романтизма. Ведь одной из важнейших тем в поэме Кулиша становится тема слова поэта, его творчества как служения Богу, Истине и народу.

Понимание природы и цивилизации, восходящие к Сковороде и Руссо, составляет основу главной антитезы «Писем»: противопоставления хутора и города. Основные положения «хуторянской философии» Кулиша вызревают, по мысли Петрова, еще в начале

1850-х гг. Петров пишет, что в этот период, стоя на почве поздних рецепций руссоистских идей, «Кулиш проповедует философию выхода из города и бегства на природу, освобождения человека от груза чувств, которые порождает большой город, и поворота “к первобытной дикости и суровости души”. В городе Кулиша охватывает своеобразная ностальгия, и он в письмах своих рассказывает про то, как скучает по природе. “Не умею Вам рассказать, как я тосковал по своим густым, широкошумным дубровам, глядя на жидкие берёзы, на печальные ели петербургской тундры” (1853, июня 26)» (Петров 1929: 32–33; перевод цитат с украинского мой. — А. Т.). Бегство на лоно природы Кулиш осмысляет поэтически: «Необходимо возвращаться иногда к первобытной дикости души, убежать хоть на краткое время ‘на берега пустынных волн, в широкошумные дубравы’... Насколько я поэт, настолько и для меня это составляет насущную потребность жизни» (цит. по: Там же: 41). Как пишет Петров, «Проповедь бегства, отказ от желаний, тема “пустыни” и природы, удовлетворение малым, — все это не ново у Кулиша: все это присуще каждому романтику и неоромантику и в целом для романтического мировоззрения. Тема “бегства” в основе своей — мистична и философична. На украинской почве эту тему в ее чистом виде, в аскетически-платонической формулировке высказал и развил Скворода». Только у Сквороды это «проповедь дикого изолированного одиночества, оторванности от земли, полной на земле неупорядоченности, ежечасного странствования». А у Кулиша «это проповедь хуторянства, бегство не в леса, не в уединение пустынных степных дорог, а на маленький хутор, в хозяйство». Скворода «искал независимости в отрицании собственности и утверждении идеи общности». Кулиш — «в утверждении собственности, в утверждении хуторского мелко-крепостнического хозяйства». Хутор для Кулиша — источник «всех поэтических движений сердца». Поэт «должен быть хуторянином» (Там же: 41–42). Но в реальной жизни Кулиша 1850-х гг. его опыт хозяйствования на собственном хуторе оказался неудачным. Крестьяне не слушались хозяев, дела на хуторе шли кое-как. А. М. Белозерская-Кулиш жалуется в письмах на крепостных, называя их «воры, грубияны и утикачи» (цит. по: Там же: 65). Да и сам Кулиш свой опыт хозяйствования переживает как «погружение по шею в мелочь самой ничтожной панской жизни»,

как «мерзость мелкопоместного дворянства в глухой степи» (цит. по: Там же: 70). И, в конце концов, передав все дела новому управляющему, Кулиш целиком погружается в литературную работу.

Сочинения Руссо несомненно были близки Кулишу своим демократизмом. Как писал В. Ф. Асмус: «От большинства современников, в том числе самых передовых, Руссо отличает прежде всего плебейско-демократическая точка зрения на все явления жизни и культуры. <...> Демократизм Руссо — демократизм мыслителя, выражающий интересы бедной, угнетенной, униженной части общества» (Асмус 1984: 86–87). Руссо противопоставлял крестьянство остальным классам общества как лучший и достойнейший класс. Для него земледелие — «естественный род труда, единственный действительно необходимый и наиболее полезный». Но крестьяне не нашли своего места в дворянской литературе. «Сочинители, литераторы, философы непрестанно кричат, будто исполнять долг гражданина и служить ближним можно, лишь живя в больших городах; по их мнению, не любить Париж — значит ненавидеть человеческий род; в их глазах деревенский люд — ничто» (цит. по: Там же: 90). Для самого Руссо противоречие между «природой» и «культурой», между естественной, гармонической жизнью чувства и искусственностью, односторонностью рассудочного мышления оказывается одним из важнейших. Об этом он пишет уже в первом своем трактате (Там же: 90–91).

В связи с «Письмами» Кулиша важно остановиться на этом первом трактате Руссо под названием «Рассуждение, получившее премию Дижонской Академии в 1750 году по вопросу, предложенному этой же Академией: “Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов”» (1750). Руссо в этом трактате в парадоксальной форме отрицает позитивное влияние наук и искусств на нравственную жизнь: «<...> наши души развратились по мере того, как шли к совершенству наши науки и искусства» (Руссо 1969: 14). И так было, по мнению философа, «во все времена и повсеместно» (Там же: 14). Его задача — обратить внимание общества на необходимость восстановления нравственного достоинства человека, ибо «человек велик своим нравственным достоинством» (Асмус 1984: 92). Средоточие нравственного начала — сердце человека. «Разум только содействует обнаружению нравственности. Подлинный источник нравственного

сознания — в нас самих, он — внутреннее восприятие добра и зла, непосредственное постижение его нашей совестью. Голос совести звучит во всех сердцах, и если мы его не слышим, то только потому, что мы давно забыли язык, на котором он к нам обращается. Это язык самой нашей “природы”, непосредственный и естественный; его источник — внушения нашего нравственного существа, нашей совести» (Там же: 92–93). Блага цивилизации, по мысли Руссо, остаются недоступными для большинства. Мало того, прогресс приводит к разрушению естественной целостности и гармоничности человеческой личности: «Когда люди были невинны и добродетельны, они хотели, чтобы боги были свидетелями их поступков, и они жили с богами под одной и тою же крышею; но вскоре, когда люди стали недобрыми, им наскучили эти неудобные свидетели и они удалили их в великолепные храмы. В конце концов, они изгнали богов и оттуда, чтобы обосноваться в этих храмах самим, или, по меньшей мере, храмы богов уже перестали отличаться от домов людей. Это было пределом упадка нравов, и никогда пороки не заходили столь далеко, как в то время, когда их, так сказать, поддерживали мраморные колонны и когда они у входа во дворцы великих мира сего были запечатлены в коринфских капителях» (Руссо 1969: 23). В рамках трактата Руссо ставит проблему неравенства, обозначает вопрос о воспитании, говорит о «царстве Евангелия» как о залоге правильной системы ценностей, поруганной цивилизацией, пропагандирующей знания и искусства (Там же: 28). О неправильном воспитании Руссо пишет: «Ваши дети не будут знать своего родного языка, зато они научатся говорить на других языках, которые нигде не употребляются; они научатся слагать стихи, которые они сами едва ли смогут понимать, не умея отличать заблуждения от истины, они овладеют искусством делать их, с помощью благовидных доказательств, неразличимыми и для других; но они не будут знать, что означают слова: великодушные, справедливость, воздержание, человечность; сладостное слово “родина” никогда не дойдет до их слуха, и, если перед ними говорят о Боге, то не столько для того, чтобы они почитали Бога, сколько чтобы они его боялись» (Там же: 25).

Темы Руссо органично входят в «Письма с хутора» Кулиша именно благодаря социальной направленности этого произведения. И не случайно в роли автора «Писем» выступает простой хуторянин.

В первом письме последовательно разворачивается оппозиция «город — село». Начинает Кулиш с бытового уровня, так как в селах и хуторах люди «в простых свитах и сорочках» ходят, а «тот битый и вымятый люд по городам — одетый, будто панство, и горницы у него на помосте, и окна у него большие, и вкусно он ест, и сладко он пьет, и забавки у него благородные, и за книжки он берется с охотой, и скоро сравняется образованием с панями и с жидами» (Кулиш 1989: 244; перевод цитат с украинского языка мой. — А. Т.). «Комфортабельная жизнь» города, «мизерная цивилизация» предстает перед нами глазами рассказчика-хуторянина: «Боже мой! Как тут эти паны в этой тесноте бедствуют! Золотом сияет, в карете едет, а каким воздухом дышет!.. Так это они, те самые роскоши?.. Или, может, эта дороговизна, что человек не прохарчится и гнилятиной за те деньги, что горькой работой загорюет, — может, это она, та лучшая доля, чем наша убогая, но не голодная доля?» (Там же: 244—245). А далее автор переходит на уровень интеллектуальной жизни, просвещения и ума. Но «наука цивилизации», распространенная в городах, не «мудрее Христовой» (именно о такой науке пишет Сковорода: Сковорода 2016: 563) и сельской науки «за плутом хорошо ходить». Кроме того, в отличие от города, именно в селе и по хуторах сохранены христианские этические нормы жизни. Письмо в целом написано как отповедь «грамотным горожанам», которые «советуют нам свою хуторянскую жизнь на мещанскую менять». Ответ дается последовательно, на всех уровнях. И на всех уровнях разворачивается антитеза села (хутора) и города. Образование, литература, богатство, цивилизация — явления неоднозначные. Их ценности и их недостатки обнажаются в предложенных автором контекстах.

Практика образования, когда ребенка отрывают от семьи, от родного языка и хаты, калечит и уродует детей: «Не хотим мы никаких благ цивилизации, если, из-за этих благ, дети наши не сумеют с нами в нашей старости разговаривать, если они нас, а мы их, из-за их образованности, не будем понимать!» (Кулиш 1989: 247). «Простой ум» громады (общины) — это идеал не только рассказчика, но и Кулиша: «Может, когда-нибудь наша громада управится с делом <...> и тогда уже своей волей и своим разумом разберет, к какой науке надо деток смалу приучать, — только так, чтоб и в науку ребе-

нок входил и от ленивого общества городского не портился. Ибо, по нашему простому разумению, это еще не великое дело, если одно найти, а другое потерять» (Там же: 246).

Литература («книжная словесность») становится следующим уровнем разворачивания антитезы. Кулиш рассматривает историю словесности как историю обманов и лжи: так иезуиты и «католические попы» тоже литературой людей обманывали, «и много из нас <...> от простой веры мужицкой одщепилось... Что ж вышло? Ложь, да и все тут!..» (Там же: 247). Вольгеру (как авторитету эпохи Просвещения) и книжкам, которые навязывают крестьянам паны-горожане, Кулиш ставит в пример «настоящую книгу», которую и читают хуторяне: «эту книжку написали люди, которые сами знали нужду и напасть всякую, которые не мчались вихрем с колокольчиками через убогие сёла, а своими ногами заходили к людям в хату и на ниву и, приголубив к себе детей мужичьих, по образу своего Учителя благого, — говорили праведным словом людям, научая их души спасать, а не карманы деньгами набивать. Эту книжку читали наши предки за тысячу лет до нас и говорили: правда! Эту книжку и мы читаем и говорим: правда, навеки правда!.. А вы про свои книжки сто лет назад кричали: правда! Лучше самой правды! А тепер про те ж самые книжки на весь мир кричите: брехня! А это, что мы сами написали, это уже правда! Так кого ж вы думаете морочить?» (Там же: 248–249). Антитеза настоящей — ложной словесности вскрывает религиозный подтекст проблемы противопоставления города и села. Евангелие — это та настоящая книга, которую читают хуторяне, в отличие от состоятельных горожан, которые создали свою словесность, понаписывали те ложные книжки, которыми теперь увечат души крестьян. Не случайно здесь появляется имя Вольгера. Известно, что он критиковал идею «естественного человека» Руссо и едко писал в письме в ответ на присланный им трактат «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми»: «Никогда еще не было потрачено столько ума, чтобы убедить нас стать зверями; когда читаешь Вашу книгу, хочется опять ходить на четвереньках» (цит. по: Асмус 1984: 104–105).

«Простая свита» становится в первом письме Кулиша «святою ризою» — метафорой настоящей (в религиозном смысле) жизни: «Мы так себе думаем: что нет и в мире лучшей одежды, как наша

простая свита. <...> кажется она нам какой-то будто святой ризой; и у одного Бога только лучше одежда, как раскинет он ее от края до края небес, всю в звездах блестящих» (Кулиш 1989: 249). Громада — залог правильного отношения хуторян к достижениям цивилизации: «ибо громада — великий человек и если захочет, то на все доброе спроможется» (Там же: 249).

Цивилизация и счастье, цивилизация и богатство — это следующие уровни раскрытия антитезы города и села. «Цивилизация, говорят, ведет человека ко всякому счастью... А если ж нет?.. Что тогда, панове? Где тогда возьмете людей, свежих душою и крепких здоровьем, чтоб другим образом испорченную по всей земле жизнь поправить?.. Так оставьте ж хотя бы нас, будьте добры, по хуторах про запас: может мы вашим правнукам згодимся. <...> У нас, панове, наука своя, тысячелетняя: она научила нас больше слушать праведного слова божьего, чем лукавой панской речи. Если б вы так учили, как учил Христос, то мы б вас послушали сразу, а то вы учите не Богу, а мамоне служить; золотому идолу разумной своей головой кланяетесь, думая, что пошли еще дальше самого Евангелия...» (Там же: 250). Руссоистская идея счастья на природе вне социальных иерархий и ценностей синтезируется у Кулиша с христианским идеалом «святой простоты» и «довольством малым» (идеал Сковороды). «Ленивица-мода», «дурной комфорт», «идольская роскошь» — вот достижения цивилизации и обольщение городов. Хуторянин-Кулиш отрекается от этого соблазна. Его вывод: «Не плоха доля наша, хлебопашеская й чумацкая, слава Богу! Не променяем мы ее на городскую, будто бы лучшую, и свиты своей честной и неповинной не отдадим ни за какие саеты и бархаты» (Там же: 251).

Во втором письме Кулиш продолжает далее разворачивать заданную антитезу, используя прием усиленного повтора. Он рассматривает проблему противопоставления города и села, перемещая ее в историософскую систему координат. Кулиш выступает против эксплуатации городом села. Он рассматривает вопрос о долге города перед селом со времен варягов и князей, доказывая, что все преимущества города (купечество, ремесленничество, наука) появились за счет села. Цена прогресса, которым величаются горожане, — искалеченная жизнь села и его жителей. «Тысяча лет» — вневременная метафора времени, которая указывает на века издевательств города

над селом, богатых над бедными. Торговля, суды, этические ценности — все вроде бы от города к селу идет. Но рассказчик-хutorянин ставит вопрос: «Тысячу лет проповедуете вы в своих стенах дорогостоящих любовь и мир, — больше ж у вас любви и мира, чем было у тех простых славян, которые славили в рощах и в житах неведомого им доброго и щедрого бога?..» (Там же: 253). И здесь писатель формулирует «заповедь» хutorянской философии: хutorянам оставаться самими собой, не поддаваться соблазнам городской жизни.

Проблема родного языка — следующий уровень развертывания антитезы. Ибо в городах «те самые прогрессисты по-нашому не поймут: они себе какую-то непотребную речь в городах повысиживали, да и ламают под нее людской разум с самого малолетства» (Там же: 253). С языком связана тема литературы. И снова на первый план выходит Евангелие. «Завет» хutorянской жизни связывается с «заветом» Христовым: «Исполним же хоть мы его, селяне и хutorяне! Там и награда показана тому, кто поймет истину, — наилучшая, наибольшая награда на земле: большей никто не пожелает и не выдумает» (Там же: 253). Истина за Христом. Это та наука, которую советует всем рассказчик-хutorянин, «наука, за которую великий Учитель пролил свою кровь непорочную, да и нам заповедал жизнь свою за слово истины отдавать» (Там же: 253–254). И не в городах с их прогрессом, наукой, культурой и другими благами эта истина открывается. Города убивают лучших своих детей, Сократов и Платонов. «А великого Учителя всемирного за что замучено?» (Там же: 254). «Святая наука истины» закидана «никчемным хламом»; «свет», «праведное слово из праведных уст» — это великие чудеса проявления человеческого духа, «затуманенные городом». И «крестьянская философия» (в отличие от «городской») взята прямо из «той книжки, которую сотнями лет великие города затуманивают, но и до сих пор не затуманили» (Там же: 255). А значит, историософская перспектива за селом, за хutorянством. Рассказчик-хutorянин не проповедует изоляцию, но он стоит на том, что «своего хutorского вкуса разумно надо придерживаться» (Там же: 255), «своего языка родного и своего родного обычая верным сердцем» надо держаться. Это залог не просто будущей победы села над городом, это залог построения особого типа государственности, в основе которой будет положен идеал громады как модели общественного устройства:

«Тогда из вас будут люди как следует, — тогда из вас будет громада уважаемая и уже на такую громаду никто своей лапы не наложит» (Там же: 256).

Идеал громады (общины) как модели идеального общественного устройства у Кулиша тоже тесно связан с идеями Руссо. В трактате «Общественный договор» (1762) философ отстаивал мысль о том, что насилие не может быть источником права. «Государственная власть может быть основана только на общественном договоре, отвечающем воле народа. Существо общественного договора — в том, что каждое отдельное лицо отказывается от всех своих прав и передает их в пользу целого общества. При этом, однако, оно остается неотъемлемым членом всего общества» (Асмус 1984: 106). Руссо в трактате пытается предложить идеальную форму общественно-го устройства, в котором бы решалась проблема противоборства общественного и личного начал. Его задача — «найти такую форму ассоциации, которая защищает и ограждает всею общею силою личность и имущество каждого из членов ассоциации, и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде» (Руссо 1969: 160). Кроме того, у Руссо гражданское общество, построенное на принципе общественного договора, является высшей ступенью развития в отношении к естественному его состоянию, ибо «заменяет равенством как личностей и перед законом все то неравенство, которое внесла природа в их физическое естество; и хотя люди могут быть неравны по силе или способностям, они становятся все равными в результате соглашения и по праву» (Там же: 167). Глава IX Первой книги «общественного договора» («О владении имуществом») посвящена праву собственности. Руссо пишет, что «община, принимая земли частных лиц, вовсе не отбирает у них эти земли, — она лишь обеспечивает этим лицам законное владение ими, превращая захват в подлинное право, а пользование в собственность» (Там же: 166). Достижением гражданского состояния является моральная свобода, «которая одна делает человека действительным хозяином самому себе; ибо поступать лишь под воздействием своего желания есть рабство, а подчиняться закону, который ты сам для себя установил, есть свобода» (Там же: 165). Верховная власть в государстве, по Руссо, — это «только одна общая воля», которая

«может управлять силами Государства в соответствии с целью его установления, каковая есть общее благо» (Там же: 167). И эта власть должна принадлежать народу.

Тема громады (общины как формы социального устройства, выработанной украинским селом) пронизывает все письма в цикле Кулиша. В IV и V письмах автор предлагает свое понимание модели громады — сложный синтез традиционного уклада украинского села и социологических утопий Руссо. Для убедительности Кулиш выбирает художественную форму, представляя читателям зарисовки картин из жизни в жанре небольших повестей. В четвертом письме помещена повесть «Про злодея из села Гакивныци», цель которой доказать читателям на конкретном примере «из жизни» качественные в моральном отношении отличия села от города. Существенной отсылкой к Руссо является постановка центральной проблемы повести. Речь идет о защите громадой права личной собственности хуторян. Герой повести — «кающийся преступник». Он с молитвой крадет коней и другие вещи. Остановиться он сам не может. Однажды дошел до того, что решил «церковь свою обокрасть» (Кулиш 1989: 272). Ему мистическим образом совершить это преступление не удалось (Бог помешал). На этом злодеянии его поймала громада. Старцы громады придумали герою повести, Дмитро Гарбузу, епитимью (наказание) за кражу: паламарничать в церкви, «принимать странников как гостей», и чтоб люди на селе звали его злодеем. Так все и пошло, и герой исправился, вернулся к жизни по совести. Повесть заканчивается полемическим вопросом повествователя: «Ну, а у вас, панове, в городах, что б с таким человеком сделали?» (Там же: 274).

В письме пятом, «Кто такой хуторянин», Кулиш предлагает историю рассказчика — «автора» «Писем с хутора», хуторянина Павла Белебенья. В этом письме, которое появилось после первых четырех писем с перерывом (в последних за год номерах «Основы»), впервые Кулиш изображает собственно рассказчика и называет его имя. В письме обозначена и его родословная, и воспоминание про историю его похода с чумаками в молодости: комический эпизод, как заснул он на возу ночью — «не заметил, как и с воза скатился! Упал — сплю себе на дороге. Когда ж проснулся: где это я?» (Там же: 278). Хлопца находят чумаки, и Кирило Порохня научает его батогом.

Этот эпизод — зарисовка уклада семьи и воспитания в условиях громады и хуторской жизни. Воспоминания сменяются размышлениями про смысл хуторской жизни (возврат к центральной теме всех писем): «Мой боже! Или наш простой люд не стоит того, чтоб мы его образу уподобились! Ведь никакая наука такого правдивого сердца не даст, как у нашего доброго крестьянина или хуторянина. Наукой мы только ум себе прибавляем. Так разве ж это разумно, чтоб уже родную свиту с себя сбросить, что прочитал пару книжек немецких? Нет, у нас на хуторе Белебни, слава Богу, не так» (Там же: 279) «Простая свита», с которой начинается цикл писем, трансформируется в «родную свиту». Руссоистская тема (противопоставление города и села, богатства и бедности) превращается в собственно украинскую тему, взятую из жизни хуторянина, Павла Белебени.

В III письме, «Чего стоит Шевченко как поэт народный», Кулиш обращается к истории украинского языка и украинской литературы. Даже в этом вопросе он оказывается в диалоге с идеями Руссо: известно, насколько большое значение придавал философ народным обычаям и нравам, ставя их выше законов. Так, в «Соображениях об образе правления в Польше» (1772) он писал: «Именно воспитание должно придавать душам национальную форму и так направлять мнения и вкусы граждан, чтобы они были патриотами по склонности, по страсти, по необходимости. Дитя, раскрывая глаза, должно видеть отечество, и до смерти не должно ничего видеть, кроме отечества» (Руссо 1969: 465). Под «отечеством» Руссо понимает «законы и свободу»: «Национальное воспитание — это достояние лишь свободных людей; только у них — общее существование, и только они действительно связаны Законом» (Там же: 466).

Антитеза истинной-ложной словесности в третьем письме «Чего стоит Шевченко как поэт народный» получает новые обертоны смыслов. Рассматриваются периоды в истории развития родного языка. Так, «непечатная речь сельского люда» ряд столетий была попираема «грамотными горожанами» с их «книжной академической речью».

История новой украинской литературы представлена у Кулиша именами И. П. Котляревского, Г. Ф. Квитки-Основьяненко и Т. Г. Шевченко. Критически Кулиш оценивает основателя новой украинской литературы И. Котляревского с его пародийной «Энеидой», вкладывая свои суждения вроде бы в слова разумных хуторян.

Для него народность Котляревского — это костюм: «Присмотритесь только <...> это городской панок по-нашому приоделся. Гляньте, у него и панская походка и вся удача панская, а речью своей он только нас передразнивает и на смех поднимает. <...> Это нам паны такое зеркало подарили, что как глянет в него простой человек, то и сам себя не узнает» (Кулиш 1989: 257).

Главный эстетический критерий правдивой словесности по Кулишу — это слово Евангелия как соответствие слова и Истины (Правды), слова и Духа. В украинской литературе это соответствие должно быть синтезировано в народных национальных формах слова и образа. И в критическом рассмотрении новой украинской литературы этот критерий Кулиш отработывает на практике в третьем письме. Так он указывает на качественное отличие повестей Квитки-Основьяненко от «Энеиды» Котляревского. Про повесть «Маруся» он пишет следующие прочувствованные слова: «А тут Маруся Квитчина к нам в хату пожаловала. Сердечко любимое! Как же ты любо нам и ценно после этого цыгана троянского показалось! Это наша душа на божьем лоне по-нашому заговорила. Это первая была книжка, которая тем же духом, что и слово Учителя благого, дышала. Тем самым взглядом Квитка на нас, простых людей, посмотрел, что и тот великий человеколюбец. Удивились мы, как ясно засиял наш народный образ, несмотря на то, что его пахарский пот густой пылью покрыл» (Там же: 257).

Шевченко в «Письмах» Кулиша — и поэт, и историк, так как он «первое всех спросил наши немые могилы, что оно такое, и одному только ему дали они ясный, как божее слово, ответ» (Там же: 258). Ему народная песня «дала тон высокой речи». А он дал «нам всем праведный тон, как нам свое слово строить» (Там же: 258). Именно творчество Шевченко должно прояснить суть «хуторской философии», ибо именно его гений открыл миру глубинный потенциал души украинского народа: «Высоко над нами поднял Шевченко поэтический свет свой — и стало видно по всей Украине, куда каждый из нас должен шествовать. При этом свете всякому стало понятно, какой действительно славный и величественный в своей простоте тот сельский мир, из которого Квитка выбрал свою Марусю с ее семьей поэтической. При этом свете всякий увидел, что наши обычаи народные — та же история народного духа нашего, что и народная дума, только не всякому, а высшему поэтическому взгляду

открывается их красота и достоинство» (Там же: 258–259). Украинская словесность должна идти только за своим народным гением: «Слово его животворящее стало ядром новой силы, про которую не думали и не гадали при Котляревском самые умные из наших земляков, а эта новая сила — народность. Она нас породнила между собой, в братскую семью собрала и наше украинство суть на веки вечные утвердила» (Там же: 260). Слово, литература — это подвиг: «Шевченко, воздвигши из упадка звучную речь украинскую, начертал широкие границы нашему духу народному. <...> Слово, не что иное, как родное слово, вернуло нам уважение между народами и новое основание под нашу жизнь историческую подвело» (Там же: 260). Шевченко вывел народ украинский, «будто Израиля, из книжной неволи <...> он возвеличил их образ духовный и выставил его на обозрение перед цивилизованным миром <...>» (Там же: 261). Слово — это память о прошлом, слово — это программа будущего.

В третьем письме Кулиш излагает свое понимание эстетики и ее задач. Конечно, в основе его понимания религиозного смысла творчества, слова как воплощения Истины (Правды), народности литературы, духовности как первоосновы искусства лежат положения эстетики немецких романтиков, Шеллинга и Гердера. Однако в «Письмах с хутора» Кулиш создает оригинальный сплав руссоистских идей и своего понимания философских основ романтической эстетики и ее задач. Сущностный смысл «хуторской философии» раскрывается в эстетических увлечениях ее автора. Не случайно в 1870–1880-е гг. темы «хуторской философии» в творчестве самого Кулиша будут развиваться в его новых сборниках поэзии (Тоичкина 2021: 281–283). У Кулиша хутор (село) становится утопическим образом будущего уклада украинского государства. И государственность у него может быть обретена только на путях познания и следования промыслу Духа Божьего. Литература же становится главным средством построения украинской государственности, ибо она воспитывает, открывает и высвечивает промыслительные пути будущего. Так творчество Шевченко — «благовестование», «свет» будущего. Значение хутора как ячейки будущей государственности раскрывается именно в украинской литературе и средствами литературы. Ибо хутор у Кулиша не дворянская усадьба, а символ народной жизни, исполненной Духом и Истиной.

«Письма с хутора» Кулиша в непростом соотношении двух главных философских источников — сочинений Сковороды и Руссо — предстают перед нами как своего рода религиозно-философский, с одной стороны, и социальный по постановке проблемы и направленности, с другой, трактат. Трактат, который Кулиш пишет с целью создания определенной программы общественного развития украинского народа. Для изложения своих мыслей Кулиш выбирает не традиционную форму философского трактата (как у Руссо), а художественно-публицистический жанр писем выдуманного повествователя, восходящий по своему внутреннему строению к диалогам и басням Сковороды. Именно контекст двух философских источников проясняет как смысл произведения, так и специфику жанровой формы «Писем с хутора».

Литература

Асмус В. Ф. Жан Жак Руссо // Асмус В. Ф. Историко-философские этюды. М., 1984. С. 83–139.

Барабаш Ю. Я. «Знаю человека...» Григорий Сковорода: Поэзия. Философия. Жизнь. М.: Художественная литература, 1989. 335 с.

Кулиш П. О. Твори у 2 т. Т. 2. Київ: Дніпро, 1989. 586 с.

Петров В. П. Пантелеймон Кулиш у п'ядесяти роки. Життя. Ідеологія. Творчість. Т. 1. Київ, 1929. 561с.

Руссо Жан-Жак. Трактаты. М.: Наука, 1969. 703 с.

Сковорода Г. С. Повна академічна збірка творів / за ред. проф. Леоніда Ушкалова. Харків: Видавець Савчук О. О., 2016. 1400 с.

Тоичкина А. В. П. А. Кулиш-хуторянин и его «хуторская философия» в историсофской перспективе XXI века // Усадьба реальная — усадьба литературная. Векторы творческого преобразования: Коллективная монография / сост., отв. ред. О. А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 384 с. С. 267–284. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 6).

Ушкалов Л. В. Григорий Сковорода: Семінарій. Харків: Майдан, 2004. 876 с.

Чижевський Д. І. Нариси з історії філософії нв Україні. Мюнхен: В-во Спілки Української Молоді, 1983. 175 с.

Чижевський Д. І. Філософія Г. С. Сковороди. Харків: Акта, 2003. 432 с.

Эрн В. Ф. Григорий Саввич Сковорода. Жизнь и учение. М., 1912. 342 с.

**ЧАСТЬ II. ИЗ МАТЕРИАЛОВ ЮБИЛЕЙНЫХ
XX СЛАВИСТИЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ ПАМЯТИ
ПРОФ. П. А. ДМИТРИЕВА И ПРОФ. Г. И. САФРОНОВА (2018)**

М. Ю. Котова, О. В. Раина

**Кафедра славянской филологии СПбГУ за последние 20 лет
(1998–2018 гг.)**

Аннотация: В докладе рассматривается учебная и научная деятельность Кафедры славянской филологии СПбГУ в новый для кафедры период, сразу после кончины заведующего кафедрой, профессора Петра Андреевича Дмитриева (1928–1998), который возглавлял Кафедру славянской филологии в течение тридцати лет.

Ключевые слова: славянская филология, Санкт-Петербургский государственный университет, специалитет, бакалавриат, магистратура, аспирантура.

В Санкт-Петербургском государственном университете славянская филология в последнее двадцатилетие реализовывалась в программах специалитета (последний выпуск в 2009 г.), бакалавриата (первый выпуск в 2009 г.), магистратуры (2 года), соискательства (4 года, заочно), аспирантуры (3 года очная и 4 года заочная форма обучения) и докторантуры (3 года).

Кафедра славянской филологии входит в состав Филологического факультета СПбГУ. В штате кафедры 5 д.ф.н. профессоров, в том числе 1 член-корреспондент РАН; 15 к.ф.н. (в том числе 9 доцентов со званием), 3 преподавателя-практика.

Начиная с 2005/2006 учебного года (первого набора на бакалавриат) и по 2008/2009 учебный год включительно кафедра временно вела обучение по шести разным учебным планам (пятилетнему плану специалистов «Славянский язык и литература», пятилетнему плану специалистов «Чешский язык и литература, английский язык», четырехлетнему плану бакалавриата «Славянский язык и литература», четырехлетнему плану бакалавриата «Славян-

ский язык и литература, английский язык» для чешско-английского и болгаро-английского отделений, одногодичному и двухгодичному плану магистратуры «Славянская филология» и «Славянские языки»). Этот переходный период завершился только в 2009 г., когда был выпущен последний, пятый курс специалистов-славистов.

За последние 20 лет кафедра открыла ряд новых программ специалитета и бакалавриата, которые потребовали создания новых учебных планов.

До 2000 г. преподаватели кафедры вели преподавание на четырех отделениях — болгарском, польском, сербохорватском, чешском. Затем постепенно стали появляться новые отделения: «Словацкий язык и литература» (специалитет) в 2000 г., отделение «Чешский язык и литература, английский язык» — специалитет в 2003 г., а бакалавриат в 2005 г.; отделение «Болгарский язык и литература, английский язык» (бакалавриат) в 2006 г., а потом еще следом 7 новых программ бакалавриата:

«Хорватский язык» первый выпуск в 2013;

«Украинский язык, немецкий язык» первый выпуск в 2013, 2-й — в 2018;

«Сербский язык, английский язык» первый выпуск в 2013, 2-й — в 2017;

«Польский язык, немецкий язык» первый выпуск в 2014;

«Словацкий язык, английский язык» первый выпуск в 2014;

«Польский язык, английский язык» первый выпуск в 2015;

«Чешский язык, немецкий язык» первый выпуск в 2015.

Кафедра на своих заседаниях утверждала темы диссертаций аспирантов и докторантов, назначала научных руководителей и научных консультантов, обсуждала и рекомендовала к защитам кандидатские и докторские диссертации по славянским языкам и славянским литературам, которые затем защищались в соответствующих диссертационных советах Филологического факультета СПбГУ: лингвистические работы — в лингвистическом диссертационном совете по специальности «10.02.03. Славянские языки», литературоведческие работы — в литературоведческом диссертационном совете по специальности «10.01.03. Литература народов стран зарубежья (литературы народов Европы, Америки, Австралии)».

Кафедра постоянно выступала в качестве внешнего оппонента (ведущей организации) у соискателей ученых степеней из других вузов и научных учреждений.

Анализ отчетов о научно-исследовательской работе кафедры славянской филологии СПбГУ за последние двадцать лет показывает, что в 1998–2018 гг. сотрудниками кафедры опубликовано около 1500 научных статей, более 20 монографий — Н. К. Жаковой «Тютчев и славяне» (2001) и «История чешской литературы конца XVIII — XIX веков» (2003), Е. Ю. Ивановой «Логико-семантические типы предложения: неполные речевые реализации» (2003), С. И. Николаева «От Кохановского до Мицкевича» (2004), Р. Х. Тугушевой «Очерки по сопоставительной лексикологии чешского и словацкого языков» (2003), И. М. Порочкиной и И. В. Инова «Чехи в Санкт-Петербурге» (2003) и др.

Более 20 учебных пособий — «Упражнения по грамматике сербского (сербохорватского) языка. Морфология» О. И. Трофимкиной и М. А. Милютиной (2001), «Болгарский язык. Имена существительные и прилагательные» Г. В. Крыловой, Е. А. Захаревич, З. К. Шановой (2003), «Украинский язык» В. В. Мушинской (2003); «Белорусский язык» Н. Е. Боевой (2005), «Читаем польские стихи (комментированная хрестоматия)» Г. К. Волошиной (2003), учебник польского языка О. В. Гусевой, учебники издательства КАРО по болгарскому языку (Е. Ю. Ивановой, З. К. Шановой, М. Димитровой), польскому языку (В. И. Ермолы), словацкому (В. С. Князьковой), украинскому (В. В. Мушинской) и др., семь сборников учебных программ разных образовательных программ бакалавриата и магистратуры (см. в конце статьи Примечание 1), а также в электронном виде рабочие программы других профилей образовательных программ кафедры; ряд словарей — «Словарь поэзии Николы Вапцарова. Опыт лексикографического описания болгарского художественного текста. Вып. 1: А—дъщеря», отв. ред. Г. В. Крылова, авторы Е. А. Захаревич, Е. Ю. Иванова, М. Ю. Котова, Г. В. Крылова, Е. В. Цуцкарева, З. К. Шанова (1998); «Словарь поэзии Н. Вапцарова: опыт лексикографического описания болгарского художественного текста. Вып. 2: Е—лято, отв. ред. Г. В. Крылова, авторы О. В. Васильева, Е. Ю. Иванова, М. Ю. Котова, Г. В. Крылова, Е. В. Цуцкарева, З. К. Шанова

(2004); «Македонско-русский словарь» З. К. Шановой в соавторстве с Р. П. Усиковой, Е. В. Верижниковой и М. А. Поварницыной (2003), «Словарь сравнений русского языка» В. М. Мокиенко (2003), «Словарь крылатых выражений А. С. Пушкина» В. М. Мокиенко в соавторстве с К. П. Сидоренко (1999), «Чешско-русский фразеологический словарь» В. М. Мокиенко в соавторстве с А. Вурмом (2002), «Сербохорватско-русский фразеологический словарь» О. И. Трофимкиной (2005), «Краткий кашубско-русский фразеологический словарь» В. И. Ермолы (2005) и др.

По инициативе доц. Н. К. Жаковой в 2005–2006 гг. в издательстве СПбГУ выпущены книги «Метафора вертикали» (воспоминания о проф. В. Д. Андрееве) (ред. коллегия: Н. И. Андреева, С. И. Богданов, Н. К. Жакова и др.) и «Профессора-слависты П. А. Дмитриев и Г. И. Сафронов в воспоминаниях своих коллег, друзей, учеников» (отв. ред. Н. К. Жакова, А. С. Герд) [см. в конце статьи Примечание 2].

В качестве отдельного инициативного научного направления кафедры разрабатывается тема «Отражение паремиологического минимума русского языка в славянских языках» (М. Ю. Котова, О. В. Раина, О. С. Сергиенко, О. Н. Тарараева, А. А. Колпакова и др.).

Коллектив кафедры славянской филологии представляет собой петербургскую научную школу в области славяноведения, лексикографии и теории межславянского перевода, основоположниками которой являются проф. П. А. Дмитриев (1928–1998) и проф. В. Д. Андреев (1929–2000). Петербургскую научную школу долгие годы, вплоть до своей кончины возглавляла заслуженный работник высшей школы РФ проф. Г. А. Лилич. И в настоящее время теория перевода остается приоритетной областью на кафедре, ее основные направления — общие вопросы грамматики, лингвистические вопросы перевода со славянских языков на славянские и германские.

На славянском отделении СПбГУ в последние 20 лет ведется преподавание одиннадцати славянских языков, в том числе белорусского, украинского, македонского, словацкого и словенского (по программам второго и третьего славянского языка для студентов-славистов, славянского языка для студентов-русистов, для студентов-историков и для слушателей филологических специализаций «Балтистика» и «Палеославистика»).

За последние 20 лет был значительно расширен репертуар славянских языков, изучаемых студентами-славистами в качестве второго славянского языка: впервые в 1999/2000 учебном году было введено преподавание украинского языка как второго славянского для студентов-богемистов, затем в 2002/2003 — для студентов-словакистов, а в 2005/2006 — для студентов-полонистов (преподаватели украинского языка доц. С. А. Коваль, ст. преп. В. В. Мушинская, истории украинской литературы — канд. филол. наук А. В. Тоичкина, канд. филол. наук И. В. Подтергера), впервые в 2000/2001 учебном году — белорусского языка как второго славянского (преподаватель белорусского языка Н. Е. Боева, истории белорусской литературы — канд. филол. наук И. В. Подтергера), впервые в 2005/2006 учебном году — словенского языка как второго славянского для богемистов (преподаватели словенского языка и истории словенской литературы доц. М. Л. Бершадская и асс. А. Г. Бодрова) и словацкого языка как второго славянского для сербистов (преподаватели словацкого языка и истории словацкой литературы асс. В. С. Князькова и доц. И. М. Порочкина).

Уже сделано несколько выпусков филологов-славистов, у которых в дипломах белорусский или украинский языки зафиксированы в объеме второго славянского языка: два выпуска отделения богемистов 2002 и 2003 г. и один выпуск отделения словакистов 2005 г. имеют возможность работать с украинским языком.

В память проф. П. А. Дмитриева (1928—1998) и проф. Г. И. Сафронова (1924—1997), стоявших во главе кафедры славянской филологии ЛГУ (СПбГУ) около трех десятилетий, кафедра при поддержке руководства филологического факультета (декан проф. С. И. Богданов) в 1999 г. учредила ежегодную международную научную конференцию «Славистические чтения».

Основные направления работы «Славистических чтений» сформулированы в названиях научных секций конференции прошлых лет: секции грамматики, прагматики, лексикологии, фразеологии, паремиологии, лексикографии, истории славянских языков, теории и критики перевода, истории славистики, вопросов преподавания славянских языков, истории славянских литератур, культурных и литературных взаимосвязей. Опубликовано десять сборников

материалов десяти первых конференций «Славистические чтения памяти проф. П. А. Дмитриева и проф. Г. И. Сафронова» [см. в конце статьи Примечание 3].

Вот некоторые данные за прошлые периоды: за период с 1999 по 2006 г. в «Славистических чтениях» приняли участие, кроме зарубежных делегатов, 58 славистов из СПбГУ и 83 ученых из разных вузов и научных учреждений Российской Федерации (государственных университетов городов Белгорода, Брянска, Москвы, Великого Новгорода, Волгограда, Воронежа, Иркутска, Казани, Кемерово, Красноярска, Саранска, Нижнего Новгорода, Новокузнецка, Перми, Петрозаводска, Ростова-на-Дону, Самары, Саратова, Томска, Тюмени, Уфы, Челябинска, Ярославля; из МГИМО, из Института славяноведения и балканистики РАН, из Российской национальной библиотеки Санкт-Петербурга и др.).

Для участия в «Славистических чтениях» в СПбГУ приезжали около 200 ученых из разных стран: Белоруссии — Белорусского государственного университета, Витебского государственного университета, Лингвистического университета (Минск); Болгарии — Великотырновского университета им. Кирилла и Мефодия, Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского, Софийского университета; Боснии и Герцеговины — Сараевского университета; Польши — Варминско-Мазурского университета (Ольштын), Варшавского университета, Института славистики Польской академии наук (Краков), Лодзинского университета, Поморской педагогической академии (Слупск), университета города Ополе, университета им. А. Мицкевича (Познань), Ягеллонского университета (Краков); Словакии — Прешовского университета, Славянской гимназии (Братислава); Словении — Люблянского университета, Мариборского университета; Украины — Одесского государственного университета, Прикарпатского государственного университета (Ивано-Франковск); Хорватии — Загребского университета, Института хорватского языка (Загреб); Чехии — Западночешского университета, Национальной библиотеки Чешской Республики (Прага), Остравского университета, Силезского университета (Карвин), университета им. Т. Г. Масарика (Брно), университета города Градец Кралове, университета им. Ф. Палацко (Оломоуц), университета им. Я. Е. Пуркине (Усти-над-Лабем),

Южночешского университета (Ческе-Будеевице); Сербии и Черногории — Белградского университета, Института сербского языка САН, Косомитровского университета, университета города Нови Сад, университета города Приштина, Философского факультета (Ниш), Черногорского университета (Никшич); а также зарубежные коллеги из Венгрии, Латвии, Литвы, Казахстана, Дании, Испании, Италии, Швеции и других стран.

Не менее важно для кафедры участие в традиционных научных факультетских конференциях.

Научная жизнь кафедры славянской филологии СПбГУ ежегодно репрезентируется как минимум на трех факультетских конференциях: в пяти секциях мартовской Международной филологической научной конференции преподавателей и аспирантов, в сентябре на Славистических чтениях памяти проф. П. А. Дмитриева и проф. Г. И. Сафронова и на апрельской Открытой конференции студентов-филологов (на двух славистических секциях).

Историко-филологический симбиоз проявляется ярче всего на секции под названием «Державинские чтения», которая организуется силами историков и филологов СПбГУ и включается в работу мартовской преподавательской конференции. Последние «Державинские чтения: Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики» (руководитель секции — доц. З. К. Шанова) состоялись в марте 2017 г.

Понятию и выражению специфики гибридной идентичности в транснациональной прозе было посвящено несколько докладов на заседании секции «Славяно-германская компаративистика» в 2017 г.

Эти доклады стали продолжением и развитием темы, начатой на заседаниях этой секции на мартовской конференции в 2012 г. и получившей воплощение в коллективной научной монографии «Сегменты идентичности в творчестве зарубежных славянских писателей», опубликованной Издательством Санкт-Петербургского университета в 2014 г.

За последние 20 лет защищено 24 кандидатские диссертации, в том числе под научным руководством проф. Г. А. Лич — Т. Е. Аникиной «Система речевых образов в поэзии и прозе М. Пуймановой» (1999), А. В. Савченко «Интертекстуальные элементы в структуре художественного произведения как экс-

прессивно-выразительное средство (на материале романа чешского писателя Й. Шкворецкого “Танковый батальон”)» (2002), М. С. Хмелевского «Формирование разряда наречий-интенсификаторов в славянских языках» (2003); под научным руководством доц. В. И. Ермолы — аспирантки Е. А. Невзоровой-Кмеч «Фразеология польского молодежного жаргона (семантический аспект)» (2002); под научным руководством доц. Н. К. Жаковой — аспирантки Н. А. Стениной «Восприятие Марины Цветаевой в Чехии» (2005); под научным руководством доц. З. К. Шановой — защита кандидатской диссертации ст. преп. кафедры О. В. Васильевой «Функционирование перфекта изъявительного наклонения в современном болгарском литературном языке» (2006) и др.

В 2003–2004 гг. успешно прошли защиты трех докторских диссертаций (доц. Е. Ю. Ивановой, доц. Р. Х. Тугушевой и доц. М. Ю. Котовой), в 2009 г. — А. Ю. Масловой под руководством проф. Е. Ю. Ивановой.

Анализ тем дипломных сочинений выпускников кафедры за отчетный период показывает пять научных направлений, разрабатываемых на кафедре:

- 1) лингвистика (фонетика, грамматика, лексикология, фразеология, паремиология) в сопоставительном плане;
- 2) литературоведение;
- 3) переводоведение и стилистика художественной речи;
- 4) культурные и литературные взаимосвязи;
- 5) славяно-германская компаративистика (с 2008 г.).

**Количество выпускников специалитета
(по 2009 г. включительно) и бакалавриата (с 2009 г.)**

1999 — 15 дипломов;
2000 — 15 дипломов;
2001 — 20 дипломов;
2002 — 21 диплом;
2003 — 20 дипломов;
2004 — 20 дипломов;
2005 — 24 диплома;
2006 — 24 диплома;
2007 — 20 дипломов;

2008 — 29 дипломов специалистов;
2009 — 21 диплом специалистов и 30 ВКР бакалавра — всего 51 выпускник;
2010 — 22 ВКР бакалавра;
2011 — 6 ВКР бакалавра;
2012 — 18 ВКР бакалавра;
2013 — 10 ВКР бакалавра;
2014 — 17 ВКР бакалавра;
2015 — 11 ВКР бакалавра;
2016 — 8 ВКР бакалавра;
2017 — 5 ВКР бакалавра;
2018 — 5 ВКР бакалавра.

Общее количество защищенных выпускных работ специалитета и бакалавриата за период 1999–2018 гг. — 361 диплом специалиста и бакалавра (в том числе 229 специалистов и 132 бакалавра).

Количество выпускников магистратуры

В июне 2006 г. впервые состоялись защиты магистерских диссертаций: по направлению «Славянские языки» магистрантки А. В. Воробьевой «Анализ сербской рукописи XIV века. Лингвистический и палеографический аспекты» (научный руководитель доц. С. В. Зайцева) и по направлению «Славянская филология» магистрантки-словакистки С. Ю. Бажиной «С. Г. Ваянский и И. С. Тургенев (проблемы влияния)» (научный руководитель проф. С. И. Николаев).

В 2010 защищено 8 ВКР магистров (4 по профилю «Славянская филология», 4 по профилю «Славянские языки»);

В 2011 защищено 12 ВКР магистров (5 по профилю «Славянская филология», 2 по профилю «Славянские языки» и 2 по профилю «Славяно-германская компаративистика»);

В 2012 защищено 17 ВКР магистров (6 по профилю «Славянская филология», 7 по профилю «Славянские языки», 4 по профилю «Славяно-германская компаративистика»);

В 2013 защищено 7 ВКР магистров (1 по профилю «Славянская филология», 4 по профилю «Славянские языки», 2 по профилю «Славяно-германская компаративистика»);

В 2014 защищено 6 ВКР магистров (2 по профилю «Славянская филология», 2 по профилю «Славянские языки», 2 по профилю «Славяно-германская компаративистика»);

В 2015 защищено 9 ВКР магистров (2 по профилю «Славянская филология», 3 по профилю «Славянские языки», 4 по профилю «Славяно-германская компаративистика»);

В 2016 защищено 10 ВКР магистров (2 по профилю «Славянская филология», 5 по профилю «Славянские языки», 3 по профилю «Славяно-германская компаративистика»);

В 2017 защищено 8 ВКР магистров (1 по профилю «Славянская филология», 5 по профилю «Славянские языки», 2 по профилю «Славяно-германская компаративистика»);

В 2018 защитили 11 ВКР магистров (2 по профилю «Славянская филология», 7 по профилю «Славянские языки», 2 по профилю «Славяно-германская компаративистика»).

ИТОГО 88 Выпускных квалификационных работ магистра (магистерских диссертаций): по профилю «Славянская филология» 26, по профилю «Славянские языки» 40, по профилю «Славяно-германская компаративистика» 21.

Количество диссертаций

А. Докторские диссертации

2003 — 1 (Е. Ю. Иванова);

2004 — 2 (Р. Х. Тугушева, М. Ю. Котова);

2009 — 1 (А. Ю. Маслова).

ВСЕГО: 4

Б. Кандидатские диссертации

Литературоведение

2000 — 1 (О. В. Гусева, научный руководитель — доц. М. П. Мальков);

2005 — 1 (Н. А. Стенина, научный руководитель — доц. Н.К. Жакова);

2007 — 1 (А. Г. Бодрова, научный руководитель — доц. М. Л. Бершадская);

2016 — 1 (А. А. Корзинина, научный руководитель — доц. Н. К. Жакова).

Лингвистика

- 1999 — 1 (Т. Е. Аникина, научный руководитель — проф. Г. А. Лилич);
- 2002 — 3 (Т. А. Милютина, научный руководитель — проф. Г. А. Лилич; А. В. Савченко, научный руководитель — проф. Г. А. Лилич; Е. А. Невзорова-Кмеч, научный руководитель — доц. В. И. Ермола);
- 2003 — 2 (М. С. Хмелевский, научный руководитель — проф. Г. А. Лилич; К. В. Яцевич, научный руководитель — проф. Г. А. Лилич);
- 2006 — 1 (О. В. Васильева, научный руководитель — доц. З. К. Шанова);
- 2007 — 1 (В. В. Мушинская, научный руководитель — проф. В. М. Мокиенко);
- 2008 — 2 (О. В. Раина, научный руководитель — проф. М. Ю. Котова; М. О. Ступкина, научный руководитель — проф. Е. Ю. Иванова);
- 2009 — 3 (Н. Б. Ершова, научный руководитель — доц. Г. В. Крылова; В. С. Князькова, научный руководитель — проф. М. Ю. Котова; Н. В. Прасолова, научный руководитель — проф. Е. Ю. Иванова);
- 2010 — 1 (О. С. Сергиенко, научный руководитель — проф. М. Ю. Котова);
- 2011 — 1 (А. И. Дудкина, научный руководитель — доц. Н. К. Жакова);
- 2013 — 1 (В. А. Лазарева, научный руководитель — проф. Е. Ю. Иванова);
- 2015 — 1 (У. В. Паутова, научный руководитель — доц. О. И. Трофимкина);
- 2016 — 2 (И. В. Гучкова, научный руководитель — доц. О. И. Трофимкина; Н. В. Игнатьева, научный руководитель — проф. В. М. Мокиенко);
- 2018 — 1 (А. Г. Мосинец, научный руководитель — проф. Е. Ю. Иванова).
- ИТОГО: 24.

ВКР аспиранта

2016 — 1 (Н. В. Игнатьева, научный руководитель — проф. В. М. Мокиенко);

2017 — 2 (А. Г. Мосинец, научный руководитель — проф. Е. Ю. Иванова; А. В. Русан, научный руководитель — проф. М. Ю. Котова);

2018 — 1 (К. Новакова, научный руководитель — проф. В. М. Мокиенко).

ИТОГО: 4.

Все учебные программы кафедры славянской филологии не только отражают ее интенсивную учебно-методическую и научную деятельность, развивающую кафедральные традиции, но и являются в какой-то степени следствием межвузовских и международных контактов, прежде всего с кафедрой славянской филологии МГУ (зав. кафедрой доц. Владимир Павлович Гудков, а затем проф. Наталья Евгеньевна Ананьева, МГУ), а также с нашими партнерами: Вроцлавским университетом, Пловдивским университетом, Софийским университетом, Островским, Карловым университетом и Университетом Т. Г. Масарика в Брно, Белградским университетом, учебно-методический опыт которых мы стремились учитывать в композиции своих учебных планов. Несмотря на наши стремления к интеграции с европейскими университетскими центрами славянской филологии, мы осознаем, что существенной слабостью наших учебных программ все еще остается их недостаточная открытость для интегрирования в общеевропейский образовательный процесс по славянской филологии.

Одна из научных тем кафедры — междисциплинарный подход к изучению славянских идентичностей

На кафедре славянской филологии СПбГУ на рубеже XX–XXI вв. метод компаративистских исследований славянских языков и литератур привел к необходимости изучения идентичностей народов славянских стран, языки и литературы которых преподаются на кафедре с середины XX в. и являются специальностями выпускников кафедры: до конца XX в. специалистов и аспирантов, в последние годы — бакалавров, магистров и аспирантов.

Кафедра славянской филологии СПбГУ много десятилетий специализируется на переводоведении (теории, практике, стилистике и истории перевода) со славянских языков на русский язык, а с началом развития у нас нового научного направления — славяно-германской компаративистики — со славянских языков на английский и немецкий языки.

История страны изучаемого славянского языка (Болгарии, Польши, Сербии, Чехии и др.) традиционно включается в список обязательных дисциплин для обучающихся филологов-славистов и читается преподавателями-историками. Кроме того, в методике преподавания многих филологических дисциплин для обучающихся славистов присутствуют компоненты междисциплинарности (учет гуманитарных исследований по истории, философии, социологии, психологии и др.).

Историографический элемент ярко выражен на всех трех ступенях образовательных славистических программ по лингвистике и филологии:

— для обучающихся на программах бакалавриата «Лингвистика: Иностранные языки: Славянские языки» в следующих предметах: «История болгарской / польской / словацкой / чешской / украинской / югославянских литератур» (авторы программ учебных курсов: доценты Т. Е. Аникина, М. Л. Бершадская, А. Г. Бодрова, О. В. Гусева, Н. К. Жакова, проф. С. И. Николаев, доц. А. В. Тоичкина и др.), «Введение в славянскую филологию» (автор программы: доц. В. И. Ермола), «История славяноведения» (доц. О. В. Гусева), «Страноведение страны изучаемого славянского языка» (проф. С. И. Николаев, доц. И. М. Порочкина и др.), «Старославянский язык» (доц. О. В. Васильева), «История изучаемого славянского языка» (авторы программ: доценты А. В. Бабанов, О. В. Васильева, Г. К. Волошина, В. С. Князькова, О. И. Трофимкина и др.), «Теория и практика перевода» (доценты М. Л. Бершадская, Г. К. Волошина, О. В. Гусева, Н. К. Жакова, З. К. Шанова, проф. М. Ю. Котова) и в ряде спецкурсов, которые читаются на 4-м курсе бакалавриата и обновляются ежегодно (например, в спецкурсе доц. В. С. Князьковой для словакистов «Историко-культурное наследие Санкт-Петербурга в словацком восприятии»);

— для магистрантов, осваивающих образовательную программу «Филология: Славистика» (профили магистратуры «Славянская

филология», «Славянские языки», «Славяно-германская компаративистика»): в КОУПах (компетентностно-ориентированных учебных планах) предлагаются обязательные и элективные предметы, преподавание которых ведется с учетом исследований по истории славянских стран, например: «Межславянские литературные связи» (авторы программы доценты М. Л. Бершадская, Н. К. Жакова, О. И. Минин, проф. С. И. Николаев), «Славяно-германские межкультурные связи» (проф. М. Ю. Котова), «Славянская паремиология» (проф. М. Ю. Котова), «Переводоведение» (доценты О. В. Гусева, В. С. Князькова, О. С. Сергиенко, З. К. Шанова и др.);

— для аспирантов образовательной программы «Славянские языки» на лекциях, семинарских и практических занятиях и особенно при выработке концепции исследовательских ВКР (выпускных квалификационных работ) аспиранта и кандидатских диссертаций постоянно присутствует тенденция всестороннего учета междисциплинарного подхода к исследованию объектов славянского языкознания.

Методология подготовки ВКР обучающегося слависта всех трех образовательных ступеней на кафедре славянской филологии СПбГУ позволяет добиться привлечения результатов исследования объекта в других гуманитарных областях для максимально объективного, согласно требованиям к ВКР каждой ступени, освещения анализируемой проблемы.

Если обратиться к ВКР последних лет, в которых велся поиск определения идентичности разных славянских народов, то следует назвать ВКР выпускницы бакалавриата профиля «Сербский язык, английский язык» А. В. Кривоноговой «Национальные стереотипы о европейцах в “Городах и химерах” Йована Дучича» (научный руководитель — доц. А. Г. Бодрова): выводы о признаках сербской, словенской, болгарской идентичности; ВКР магистра филологии А. С. Шестаковой-Стукун «Этнические стереотипы в польских пословицах» (научный руководитель — доц. О. В. Раина): рассмотрение понятия стереотипа и идентичности в польской и российской философии, социологии, филологии; ВКР аспиранта А. В. Русан «Смешение и переключение кодов в речи эмигрантов (на материале прозы Й. Шкворецкого)» (научный руководитель — проф. М. Ю. Котова): наблюдения и выводы о специфике гибридной

идентичности персонажей в чешскоязычном транснациональном романе чешского писателя-эмигранта Йозефа Шкворецкого, работавшего в 80-х гг. XX в. в университете города Торонто в Канаде.

Учитывая опыт научного рассмотрения славянских идентичностей в России и за рубежом (в Польше, Чехии, Германии, Великобритании и других странах), накопленный филологами, историками, социологами, философами, подчеркнем, что определение понятия идентичности невозможно без учета многих составляющих. К этим векторам отнесем языковую картину мира, ментальность, этнические стереотипы, закрепленные в фольклоре и художественной литературе; дихотомию «свой — другой — чужой», отражаемую в имагологии и лингвокультурологии; культурную и историческую память нации; самоидентификацию и идентификацию индивида, выявляемую через социологический эксперимент и лингвостилистический анализ текста, и многие другие.

Мы очень надеемся, что темы, дискуссии и итоги нынешних, «XX Славистических чтений», помогут прояснить спорные моменты и дадут новые идеи для развития образовательного процесса в сотрудничестве с нашими коллегами-славистами из других городов и стран.

Примечания

Примечание 1

«Болгарский язык, английский язык» — отделение бакалавриата кафедры славянской филологии: Методические рекомендации для студентов к учебному плану / отв. редактор М. Ю. Котова. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. — 184 с. — ISBN 978-5-8465-1199-6.

Кафедра славянской филологии. Учебные программы / отв. редактор М. Ю. Котова. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2001. — 536 с. — ISBN 5-288-02836-2.

«Польский язык, немецкий язык» — отделение бакалавриата кафедры славянской филологии: Методические рекомендации для студентов к учебному плану / отв. редакторы Т. А. Кацкова, М. Ю. Котова. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. — 192 с. — ISBN 978-5-8465-1135-4.

«Славяно-германская компаративистика» — профиль магистратуры кафедры славянской филологии: Методические рекоменда-

ции для студентов к учебному плану / отв. редактор М. Ю. Котова. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2014. — 346 с. — ISBN 978-5-8465-1376-1.

«Чешский язык» — отделение бакалавриата кафедры славянской филологии: Методические рекомендации для студентов к учебному плану / отв. редактор М. Ю. Котова. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. — 130 с. — ISBN 978-5-8465-1142-2.

«Чешский язык, немецкий язык» — отделение бакалавриата кафедры славянской филологии: Методические рекомендации для студентов к учебному плану / отв. редактор М. Ю. Котова. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. — 182 с. — ISBN 978-5-8465-1305-1.

Примечание 2

Метафора вертикали. Исследования последних лет: Сборник, посвященный 75-летию юбилею проф. В. Д. Андреева / ред. коллегия: Н. И. Андреева, С. И. Богданов, Н. К. Жакова и др. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. — 160 с. — ISBN 978-5-8465-0347-0.

Профессора-слависты П. А. Дмитриев и Г. И. Сафронов в воспоминаниях своих коллег, друзей, учеников / отв. ред. Н. К. Жакова, А. С. Герд. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. — 186 с. — ISBN 978-5-288-04052-4.

Примечание 3

I Славистические чтения памяти проф. П. А. Дмитриева и проф. Г. И. Сафронова: Материалы международной научной конференции 12–14 сентября 1999 г. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 1999 — 136 с.

II Славистические чтения памяти проф. П. А. Дмитриева и проф. Г. И. Сафронова: Материалы международной научной конференции 12–14 сентября 2000 г. / отв. редактор М. Ю. Котова. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. — 216 с. — ISBN 978-5-8465-0063-3.

III Славистические чтения памяти профессора П. А. Дмитриева и профессора Г. И. Сафронова: Материалы международной научной конференции 12–14 сентября 2001 г. / отв. редактор М. Ю. Котова. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. — 180 с. — ISBN 978-5-8465-0064-1.

IV Славистические чтения памяти профессора П. А. Дмитриева и профессора Г. И. Сафронова: Материалы международной научной конференции 12–14 сентября 2002 г. / отв. редактор М. Ю. Котова. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. — 172 с. — ISBN 978-5-8465-0121-4.

V Славистические чтения памяти профессора П. А. Дмитриева и профессора Г. И. Сафронова: Материалы международной научной конференции 11–13 сентября 2003 г. / отв. редактор Е. Ю. Иванова. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. — 204 с. — ISBN 978-5-8465-0277-6.

VI Славистические чтения памяти профессора П. А. Дмитриева и профессора Г. И. Сафронова: Материалы международной научной конференции 9–11 сентября 2004 г. / отв. редакторы Е. Ю. Иванова, М. Ю. Котова. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. — 304 с. — ISBN 978-5-8465-0376-4.

VIII Славистические чтения памяти проф. П. А. Дмитриева и проф. Г. И. Сафронова. Славянская филология в современной системе университетского образования. Материалы международной научной конференции 12–13 сентября 2006 года / отв. редактор М. Ю. Котова. — СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского университета, 2007. — 244 с. — ISBN 978-5-8465-0713-5.

IX Славистические чтения памяти проф. П. А. Дмитриева и проф. Г. И. Сафронова: Материалы межвузовской научной конференции 12–13 сентября 2007 года / отв. редактор М. Ю. Котова. — СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. — 85 с. — ISBN 978-5-8465-0842-2.

X Славистические чтения памяти профессора П. А. Дмитриева и проф. Г. И. Сафронова: Материалы межвузовской научной конференции 12–13 сентября 2008 года / отв. редактор М. Ю. Котова. — СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. — 160 с. — ISBN 978-5-8465-1007-4.

Сведения об авторах

Котова Марина Юрьевна, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, с 1998 по 2017 г. — зав. Кафедрой славянской филологии СПбГУ. E-mail: m.kotova@spbu.ru

Мокиенко Валерий Михайлович, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: v.mokienko@spbu.ru

Мудрак Маргарита Федоровна, председатель Правления Санкт-Петербургской ассоциации международного сотрудничества. E-mail: mmudrak@mail.ru

Николаев Сергей Иванович, доктор филологических наук, академик Российской академии наук (РАН), Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (ИРЛИ РАН). E-mail: sergej_nikolaev2@mail.ru

Раина Ольга Викторовна, доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, с 2017 г. по настоящее время — зав. Кафедрой славянской филологии СПбГУ. E-mail: o.raina@spbu.ru

Супрун Василий Иванович, профессор, доктор филологических наук, профессор Волгоградского государственного социально-педагогического университета. E-mail: suprun@vspsu.ru

Тоичкина Александра Витальевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: a.toichkina@spbu.ru

About the contributing authors

Kotova Marina Yurievna, Professor, DSc., Department of Slavonic Philology, Faculty of Philology, St. Petersburg State University (Russia), Chief of the Department of Slavonic Philology (1998–2017). E-mail: m.kotova@spbu.ru

Mokienko Valeriy Mikhajlovich, Professor, DSc., Department of Slavonic Philology, Faculty of Philology, St. Petersburg State University (Russia). E-mail: v.mokienko@spbu.ru

Mudrak Margarita Fyodorovna, Chairman of the Board of the St. Petersburg Association for International Cooperation. E-mail: mmudrak@mail.ru

Nikolaev Sergey Ivanovich, DSc., Academician of the Russian Academy of Sciences (RAS), Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (IRLI RAS). E-mail: sergej_nikolaev2@mail.ru

Raina Olga Viktorovna, Associate Professor, CSc., Department of Slavonic Philology, Faculty of Philology, St. Petersburg State University (Russia), Chief of the Department of Slavonic Philology (since 2017 to the present). E-mail: o.raina@spbu.ru

Suprun Vasilii Ivanovich, Professor, DSc., Volgograd State Socio-Pedagogical University. E-mail: suprun@vspu.ru

Toichkina Alexandra Vitalievna, CSc., Associate Professor, Department of Slavonic Philology, Faculty of Philology, St. Petersburg State University. E-mail: a.toichkina@spbu.ru

Summary

Mudrak Margarita F. Dialogue with Slavonic countries as an important vector of international cooperation.

Abstract. The paper touched upon the state and prospects of dialogue with Slavonic countries within the framework of joint activities of the friendship societies of the St. Petersburg Association for International Cooperation, the Board of the Association and St. Petersburg State University.

Keywords: St. Petersburg Association for International Cooperation; Union of Friends of Bulgaria; Society of Russian-Serbian Friendship; Society of Russian-Polish Friendship; Czech-Russian Society named after the Chapek Brothers; Department of Slavonic Philology of St. Petersburg State University.

Mokienko Valeriy M., Nikolaev Sergey N. Proverbs and sayings of Peter the Great (in Slavonic retrospect).

Abstract. The article presents the results of creating a large dictionary “Proverbs and sayings of the time of Peter the Great (in retrospect and perspective)”. It was compiled on the basis of a preliminary collection of a complete set of proverbs and sayings of this era and was preceded by a comprehensive source study and linguistic analysis of this material. The work was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-012-42008. One of the essential tasks of the study was a comprehensive linguoculturological analysis of sources on the paremiography of the Petrine era itself. As a result, the project participants created the first Large Specialized Dictionary of Proverbs and Sayings in Russian lexicography, reflecting the language changes brought to life by the reforms of Peter I. The experience of creating such a Dictionary seems to be of theoretical and practical importance both for Russian lexicography (especially historical), and for comparative paremiology and paremiography of European languages.

Keywords: the era of Peter the Great, paremiology, paremiography, proverbs, sayings, linguoculturology, dictionary “Proverbs and sayings of Peter the Great (in retrospect and perspective)”.

Suprun Vasiliy I. Peter I's favorite letters: about the emperor's spelling preferences (for the 350th anniversary of his birth)

Abstract. Peter the Great is often considered a person of low literacy, which is associated with the shortcomings of his education and the tsar's preoccupation with state affairs of a different purpose than Russian spelling. Meanwhile, the study of the epistolary heritage indicates that Peter I developed his own spelling system, in which a special place was given to the letters *Ѡ*, *Ѣ* and *Ѡ*. At the same time, he was largely guided by the principle of "Write as you hear". In his letters, there is a hyper-correct reflection of *okanya*. Peter I quite consistently uses *Ѣ* in the roots of words, but mixes this letter with *Ѡ* in the endings. Such spelling features were reflected in many documents of the XVIII century, the normative design of Russian spelling begins only in the works of Ya. K. Grot (1873, 1885).

Keywords: spelling, Peter I, epistolary heritage, *stun* consonants, dissimilation, vocative formula, autographonym.

Toichkina. Aleksandra V. Philosophical sources P.A.Kulish's "Letters from Farm".

Abstract. The article deals with the range of philosophical sources of "Letters from the Farm" by P.Kulish. In the light of the sources, the "Letters" appear as a complex synthesis of Rousseau's and Scovoroda's ideas, romantic aesthetics, populist ideology, and the author's Christian views. "Farm philosophy" is ambiguously related to the life of the writer on his own farm in the 1850s. The reality of everyday life and relations with the serfs are, on the one hand, in contradiction with the provisions of his "farm philosophy", on the other hand, they are the practical experience on which the writer developed these ideas. Scovoroda as a person and spiritual ascetic was a model for Kulish: he was close to the personality of a wandering philosopher. In the 1870s, Kulish dedicated a long poem to him. But in the "Letters" Kulish's fascination with the ideas of the Swiss thinker was reflected to a greater extent. In the spirit of Rousseau, the ideology of Kulish's "farm philosophy" became not only a religious and philosophical rationale for the positive significance of the farm in the history of the Ukrainian people, its language and literature, but also a kind of historical program for the development of the Ukrainian nation.

Keywords: Kulish, Skovoroda, Rousseau, “farm philosophy”, ”Letters from the farm”, city, village, Ukrainian Literature, aesthetics, historiography, idea of statehood.

Kotova Marina Yu., Raina Olga V. Department of Slavonic Philology of St. Petersburg

State University for the last 20 years (1998-2018).

Abstract: The paper examines the educational and scientific activities of the Department of Slavonic Philology of St. Petersburg State University in a new period for the department, immediately after the death of the head of the department, Professor Pyotr Andreevich Dmitriev (1928-1998), who headed the Department of Slavonic Philology for thirty years.

Keywords: Slavonic Philology, St. Petersburg State University, specialty, bachelor’s degree, master’s degree, postgraduate study.

**XXII СЛАВИСТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ
ПАМЯТИ ПРОФ. П. А. ДМИТРИЕВА
И ПРОФ. Г. И. САФРОНОВА
12 СЕНТЯБРЯ 2022 ГОДА**

Материалы научной конференции

Подготовка оригинал-макета *М.А. Ивановой*

Подписано в печать 00.00.2023. Формат 60×84/16. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 5,25. Тираж 100. Заказ 012.

Выпущено Издательско-полиграфической ассоциацией
высших учебных заведений
194021, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 28, литера А,
помещ. 3-н, ком. 184, 185, 188, 192, 193, 194. Тел.: (812) 987-75-26
mediapapir@gmail.com www.mediapapir.com www.mediapapir.ru